

Марша Дэвенпорт

МОЦАРТ

Лучшие биографии

Марша Дэвенпорт

Моцарт

«ВЕЧЕ»

1932

УДК 78

ББК 85.313 (4Авс)

Дэвенпорт М.

Моцарт / М. Дэвенпорт — «ВЕЧЕ», 1932 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-5087-7

Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791) — великий австрийский композитор и музыкант-виртуоз. Он оказал большое влияние на мировую музыкальную культуру. В отличие от многих композиторов XVIII века, Моцарт не просто работал во всех музыкальных формах своего времени, но и добился в них большого успеха. Многие из его сочинений признаны шедеврами симфонической, концертной, камерной, оперной и хоровой музыки. «Моцарт есть высшая, кульминационная точка, до которой красота достигала в сфере музыки» (П. Чайковский). «Моцарт — это молодость музыки, это вечно юный родник, несущий человечеству радость весеннего обновления и душевной гармонии» (Д. Шостакович). «Мы слышим музыку, которая для большинства из нас является олицетворением изящества, живости ума и изысканности. Моцарт существует и будет существовать вечно. Моцарт — это сама музыка» (Л. Бернстайн). Предлагаемая вниманию читателей книга написана американской писательницей Маршей Дэвенпорт. Опубликованная в 1932 г., она стала первой американской биографией великого композитора. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 78

ББК 85.313 (4Авс)

ISBN 978-5-4484-5087-7

© Дэвенпорт М., 1932

© ВЕЧЕ, 1932

Содержание

Предисловие	7
Часть 1	11
I	11
II	24
III	32
IV	43
V	55
VI	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марша Дэвенпорт Моцарт

Посвящается Расселу Дэвенпорту

Серия «Лучшие биографии»

Перевод с английского *Е.В. Лазаревой*

© Лазарева Е.В., перевод на русский язык, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Предисловие

Я не пыталась вызвать дух Моцарта: он здесь такой, каким он был. Для тех, кто хотел бы его знать, он остался в своих многочисленных письмах и еще более многочисленных произведениях. После всего этого имело бы смысл прочесть детальные биографии и не помешало бы познакомиться с письмами и воспоминаниями современников. Тогда обнаруживаются небольшие пробелы в документированной истории его жизни, которые догматичные биографы старательно обходят стороной из-за нехватки справочного материала для сносок, а творцы романтизированных биографий покрывают позолотой и сахарной глазурью, превращая их в приторные пирожные по моде XVIII века, каковой, по мнению многих, и была жизнь Моцарта. Я пыталась проложить верный курс между обеими крайностями. К тому же я действительно узнала Моцарта, говоря метафорически, конечно, в том смысле, как высказался д-р Джонсон¹: биограф должен «есть, пить со своим героем и жить с ним в одном социальном окружении». И потому мне кажется, что я знаю, как Моцарт выглядел, как говорил, чем занимался изо дня в день. Я соединила эти знания с добросовестным изучением всего того, что уже известно о его жизни, изложив всё это в виде последовательности событий, которые с ним происходили. Пусть это кому-то покажется чем-то недопустимым, но ничего противозаконного в моих действиях не было. Напротив, я в долгу перед целым рядом выдающихся исследователей данной темы, которые прочли, и покритиковали, и поддержали представленную мной работу, и они же были безгранично щедры, делясь со мной собственными материалами. В некоторых случаях любой из исследователей Моцарта мог бы подтвердить: я сделала то, что мистер Д.Б. Уиндем-Льюис (Доминик Биван)² назвал «законным присвоением». Не могут не оформиться в сознании того, кто трудился и жил, смеялся и горевал с человеком, давно умершим, такие вот законные присвоения.

Заметное место в моей добросовестной реконструкции занимает встреча в Праге Моцарта, Лоренцо Да Понте и Казановы в 1787 году, во время написания оперы «Дон Жуан». В 1926 году две страницы рукописи были найдены среди сохранившихся вещей Казановы в замке Хиршберг, неподалеку от местечка Духцов в Богемии, где он умер. Рукописи были идентифицированы, признаны подлинными, содержат несколько поэтических фрагментов, представляющих собой часть сцены из либретто Да Понте к «Дон Жуану», записанные почерком Казановы. Каким образом документ попал туда, всё ещё остается, наряду со многими другими вопросами исторической реконструкции, загадкой для целого ряда авторитетных ученых, и среди них я, в частности, особенно благодарна за великодушную помощь в работе над моей книгой: доктору Полу Неттлу, профессору Немецкого университета в Праге (теория музыки), который первым опубликовал текст рукописи из замка Хиршберг и который, помимо музыковедения, столь же широко известен благодаря своим исследованиям о Казанове; признанному знатоку творчества Моцарта доктору Властимилу Блажеку, сотруднику архива Пражской государственной консерватории, и д-ру Артуру Ливингстону, профессору романской филологии Колумбийского университета, издателю новейшего перевода мемуаров Да Понте, специалисту мирового уровня по наследию Да Понте. Все эти исследователи, в сущности, согласны, что история с автографами Казановы именно такова, как я её изложила.

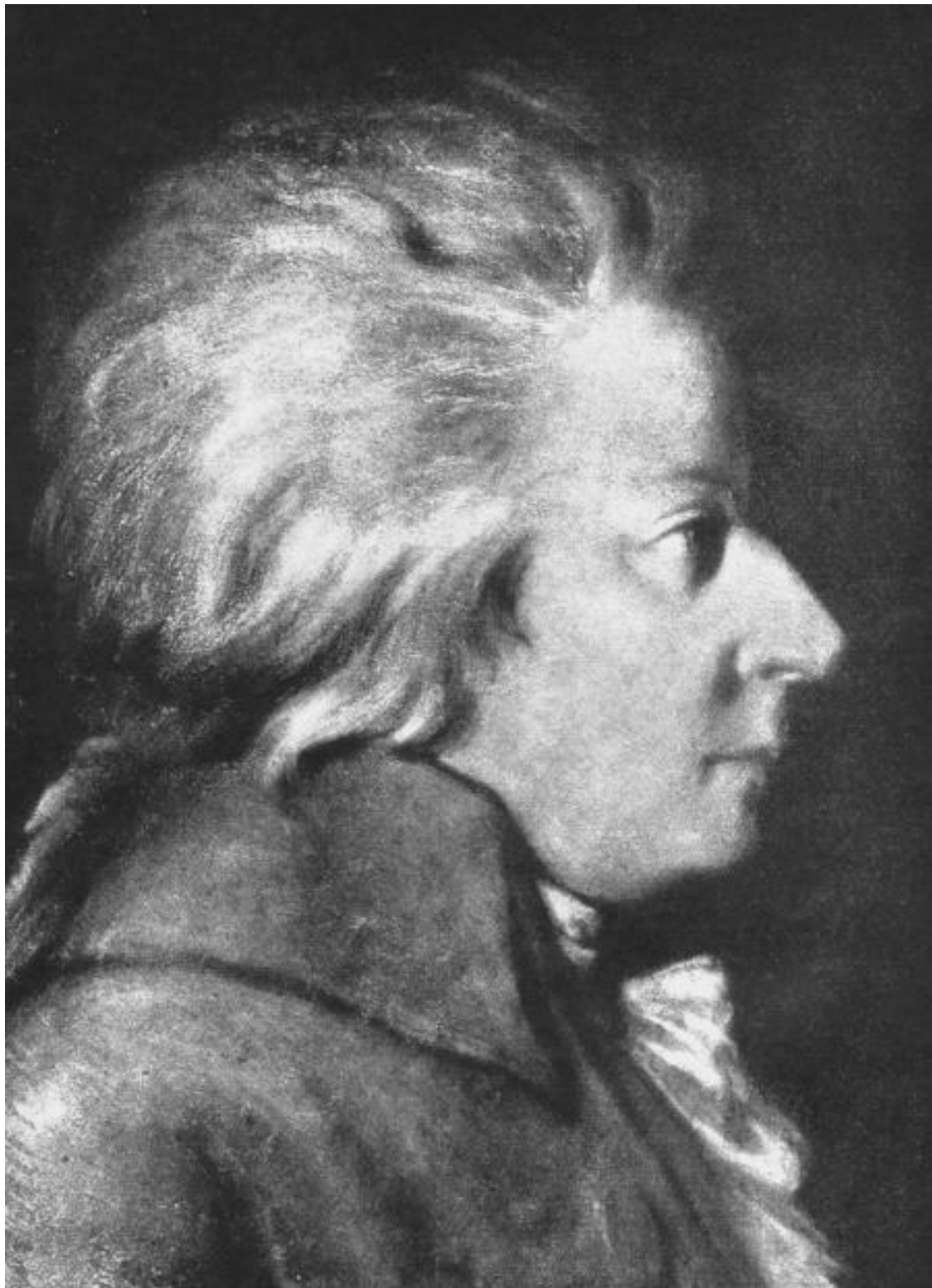
Я не приношу извинений за свой отказ от формальных методов работы с документами. В этой книге первоисточники используются для прямого цитирования, так что цитаты стано-

---

¹ Очевидно, автор имела в виду Сэмюэла Джонсона (1709–1784) – английского поэта, эссеиста, литературного критика, биографа, составителя Толкового словаря английского языка. – *Примеч. ред.*

² Д.Б. Уиндем-Льюис (1882–1957) – один из крупнейших деятелей английского модернизма, оставил заметный след в изобразительном искусстве и литературе. – *Примеч. ред.*

вятся неотъемлемой частью текста. Подстрочные примечания отошлют каждую из них к источникам, откуда я их позаимствовала, чтобы действующие лица говорили сами за себя. Тех, кто читает ради удовольствия, это нисколько не обременит, а те, кто читает из чувства долга, как все исследователи творчества Моцарта, будут знать, откуда взята каждая цитата. Библиография при этом охватывает все источники, откуда взяты цитаты.

Предполагаемый портрет Моцарта работы неизвестного художника, выполненный пастелью. Вероятная дата 1786 г.

В книге нет придуманных описаний. Улицы, дома, комнаты, мебель, одежда и прочие предметы изображены именно так, как я их увидела, повторив вслед за Моцартом его поездки по Европе, либо так, как они представлены в оригинальных документах, на картинах или гравюрах того времени.

В скобках, за первым упоминанием наиболее важных произведений Моцарта, указываются их буквенные и цифровые шифры из «Каталога» Кёхеля³, который заменяет собой классификатор музыкальных произведений композитора. Вплоть до 1777 года французская классификация Теодора де Визева и де Сен-Фуа является, пожалуй, наиболее точной, однако вскоре издательством «Брейткопф и Гертель» будет издана пересмотренная версия «Каталога» Кёхеля, учитывающая расхождения, которые, в частности, касаются менее значительных пьес. Начиная с 1784 года Моцарт вел собственный каталог. Нумерация Кёхеля является стандартом, и читатель сможет легко идентифицировать – в других записях или в программах, обсуждаемые произведения. Никаких конкретных упоминаний не делается в тексте относительно утраченных работ Моцарта, которые возникают время от времени. Наряду с Мессой до мажор, написанной в Зальцбурге в 1776 году и недавно обнаруженной в Бадене (Австрия), такие композиции, в целом представляющие интерес, являлись частью работы Моцарта в качестве органиста у архиепископа Зальцбургского и не имели большого влияния на его последующее творчество.

Я во многом обязана Обществу Моцарта в Зальцбурге, и в частности его секретарю Альфреду Хайдлу, за бесценную помощь. Господин Хайдл предоставил в мое распоряжение собственный материал о Констанции Моцарт, щедро уделяя мне время и делясь своими мыслями. Должна поблагодарить его за чтение и правку моей рукописи и за многочисленные советы. Д-р Ливингстон также любезно оказал мне помощь. Я признательна Карлу Энгелю из Нью-Йорка за ценные замечания и д-ру Йоханнесу Вольфу, возглавляющему сектор музыки Прусской государственной библиотеки в Берлине, который предоставил мне неограниченный доступ к находящимся в его ведении сокровищам, а это две трети всех дошедших до нас манускриптов Моцарта. Моя благодарность – библиотечным хранителям и кураторам Мюнхена, Лейпцига, Праги, Вены, Парижа и т. д. Все без исключения передавали мне свои знания и документы. Я чрезвычайно признательна фрау Розе Шаванн из Вены за портрет на фронтисписе моей книги; это изображение имеет наибольшее сходство с Моцартом из всех известных мне. Она самым любезным образом позволила мне сфотографировать эту принадлежащую ее семье редкую пастель, которую до того никогда не репродуцировали. Невозможно отыскать подходящие слова, чтобы выразить признательность моему другу Т.М. Клеланду, который вложил всю свою любовь к Моцарту и все свои исчерпывающие знания об искусстве XVIII века в оформление и украшение данной книги.

Большинство писем в тексте моей книги цитируются по изданию «The Letters of Wolfgang Amadeus Mozart»; они собраны и отредактированы Гансом Мерсманом, переведены с немецкого на английский М.М. Бозменом и опубликованы лондонским издательством J.M. Dent & Sons. Перевод выполнен настолько великолепно, что, хотя я и сделала свой, далеко до точности, очарования и душевности перевода мистера Боузмена. Из других использованных здесь писем некоторые приводятся в переводе Полин Таунсенд из Биографии Яна (Jahn), тогда как все прочие я перевела из стандартного издания «Die Briefe W.A. Mozarts und seiner Familie» Шидермайера. Все несоответствия и ошибки, орфографические и грамматические, встречающиеся в цитируемых материалах, максимально приближены к оригиналам, в том мере, насколько позволяет перевод. Исправить их значило бы затенить их изначальную яркость, к тому же это

---

³ «Каталог» Кёхеля (нем. Köchelverzeichnis) – полный список произведений Вольфганга Амадея Моцарта в хронологическом порядке. – *Примеч. ред.*

потребовало бы более формального образования, чем то, которое было у энергичных гениев данного периода.

Читателю, а я имею в виду обычного читателя, кому предназначена эта книга, я могу сказать единственно, что я предлагаю не романтическую историю и не учебник. Я пыталась поведать правду.

Марша Дэвенпорт

Нью-Йорк, декабрь 1931 г.

Часть 1

*...нежный блик,
Божественней обычного светила,
Сошел к земле обычной; в тот же миг*

*Её волиба созвучий охватила
Мелодией забвенья...*

Шелли, «Торжество жизни»

I 1756–1762

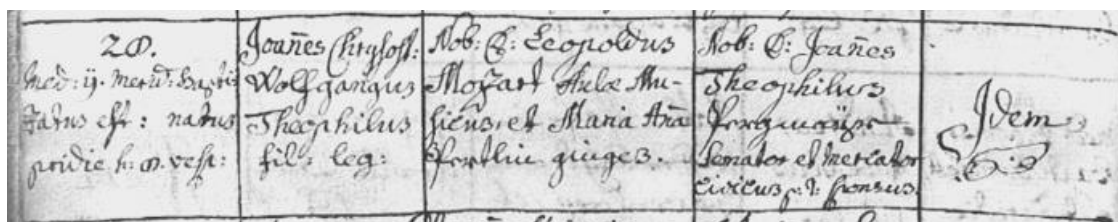
Родился он в морозный зимний день, 27 января 1756 года, в Зальцбурге. Весь этот долгий день Анна Мария стонала в муках под присмотром набожных, неумелых соседок и обеспокоенного мужа. К вечеру стоны перешли в пронзительные крики, и в восемь часов с немалым риском был произведен на свет тщедушный ребенок. Наутро ворох шерстяных одеял свезли по снегу в барочную церковь на площади Домплац. Ветер, как острый клинок, пронзал город между нависшими над ним холмами и набрасывал белые покрывала на хмурых святых, застывших у церковных дверей. Внутри, съжившись у оснований квадратных, высоко вознесшихся колонн, несколько прихожан стояли на коленях в развевающихся простых зеленых плащах, дрожа от холода мраморного пола. Погруженные в молитву, они не переставали дышать на посиневшие пальцы, шевелить затекшими ногами и не обращали внимания на городскую обыденность – собравшихся крестить младенца людей в углу главного зала, где на возвышении стояла открытая железная купель с ледяной водой. Городской капеллан Леопольд Лампрехт дал хилему ребенку имена Иоанн Хризостом Вольфганг Теофил. Теофил был переведен на немецкий как Готлиб и превратился в Амадея после поездки в Италию. Отсюда и подпись: *Wolfgang Amadé Mozart*.

Дом в Зальцбурге, где родился Моцарт. Гравюра 1844 г.

Отец мальчика позже добавил еще *Сигизмунд*, конфирмационное имя, но им никогда не пользовались. Связан ли этот выбор с любезным разрешением архиепископа Сигизмунда, покровителя семейства, или попросту вызван оптимистическими ожиданиями, история умалчивает. Сигизмунд – князь, архиепископ Зальцбургский – аристократ, волей судьбы ставший священнослужителем. Среди человеческих жизней, которые он держал в своих алчных руках с кружевными манжетами, была и судьба Леопольда Моцарта, отца Вольфганга, талантливого скрипача и композитора. Когда-то Леопольд в погоне за удачей пришёл в Зальцбург, покинув родной Аугсбург, где оставались его родные – простые, честные переплетчики книг, о чем с тех пор он должен был забыть. Его произвели на свет в 1719-м; в дальнейшем он едва ли вообще вспоминал о них. В 1747 году, зарекомендовав себя в Зальцбурге в течение десяти лет в качестве придворного композитора и помощника дирижера оркестра, он женился на Анне Марии Пертль, дочери судебного суперинтенданта. Он долго и преданно ухаживал за ней и, завоевав её, самодовольно заметил: «Всё хорошее требует времени». Всегда ровная, неунывающая, наделенная прекрасным чувством юмора, присущим истинным зальцбуржцам, она была полностью лишена каких-либо талантов. Она передала сыну Вольфгангу веселый нрав, любовь к шуткам и человеческую простоту, которая помогала ему легко нести по жизни бремя гениальности. Она была примерной набожной женой, беззаветно доверяла во всем Леопольду, никогда не докучала расспросами о его планах, подчинялась его жестким мнениям, посвятив себя всецело домашнему хозяйству и рождению по одному ребенку ежегодно в течение семи лет. Она потеряла всех, кроме Марианны (Наннерль), родившейся 30 июля 1751 года, и Вольфганга (Вольферль), самого младшего. Можно только подивиться, как он пережил свое первое посещение церкви. Леопольда и Анну Марию называли самой красивой парой в Зальцбурге, а их дети обещали унаследовать красоту родителей. Но Вольфганг быстро лишился детской

миловидности ввиду напряженной жизни юного дарования и со временем стал выглядеть как обычный, ничем не примечательный мужчина.

Запись в книге крещения Моцарта. Во втором столбце можно прочесть «Joanes Chrysost[omus] Wolfgang Theophilus»

Они жили в доме на Гетрайдегассе, где теперь Музей Моцарта: пятиэтажный многоквартирный дом, оштукатуренный и выкрашенный в кремовый цвет и, как все жилые дома в городах Европы, имевший двор посередине. Отсюда несколько минут пешком до придворной часовни, куда Леопольд каждый день ходил на работу. Глубокая арка подворотни вела к Лохельплац, куда выходили и окна дома; в центре площади – обычный колодец, снабжающий квартал водой, а возле него собирались хозяйки – постирать и посплетничать. Дом принадлежал Лоренцу Хагенауэру, добропорядочному торговцу, жившему тут же и находившемуся в самых дружественных отношениях с обитателями четвертого этажа. Посетители входили в сумрачный холл с лестницей, ведущей наверх, взбирались три пролета по темным, но чисто вымытым ступеням, стучали в тяжелую дверь, и навстречу им выходила мать семейства в шерстяном платье, белоснежном чепце, с кружевной косынкой на шее и в фартуке с оборками, уже в прихожей сиявшая улыбкой. Обмен приветствиями: «Grüß Gott! – Здравствуйте!», целование ручек или горячие лобзания в обе щеки. Мама приглашает в квадратную гостиную с невысоким потолком и тремя окнами, выходящими на Лохельплац. Все подоконники заставлены цветами в горшках, а вот и г-н Кенар в клетке, задушевно щебетом отвечающий на дружеские приветствия. Подвигая стул, суетясь в опрятной комнатке, покрикивая Терезе, чтобы та поспешила с кофе, мама приоткрывает дверь в соседнюю комнату и зовет: «Наннерль, Вольферль, kommt her! Идите сюда!» Появляется Марианна, ведя Вольфганга за пухлую ручку. В восемь лет это тихая маленькая девочка, стройная, с серьезным личиком. У нее высокий моцартовский лоб, спокойные большие серо-голубые глаза и чудесные светлые волосики. Братец – кругленький четырехлетний малыш, с точно такими же, как у сестрѐнки, лбом и глазами и необычайно крупной головой. Он подбегает к матери, взбирается к ней на колени, целует, гладит ей щеки, спускается на пол, затем перебирается на колени к гостю и вновь открыто проявляет чувства, затем слезает на пол и подбегает к Наннерль. Шумно и беззаботно, а главное – непринужденно они принимаются за свои игры, поют и носятся друг за другом по комнате, приветствуя близких друзей семьи, которых привлекли сюда кофе, выпечка и музыка. Один из визитеров принес ноты нескольких трио, другой – новый квартет, ибо все они – сочинители и все – музыканты. Отец пришел домой с работы (он – помощник директора оркестра) в сопровождении самого близкого своего друга – Андреаса Шахтнера, придворного трубача, при виде которого дети кричат от радости.

Анна Мария Моцарт.
Художник Роза Хагенауэр-Бардуччи. Около 1775 г.

Дом был настолько удобным, насколько он был счастливым. Добротная мебель – из орехового дерева; в каждой комнате – большая печь, облицованная кафелем или фарфоровыми изразцами. В гостиной – клавир⁴ с черными и белыми клавишами.

---

⁴ Клавир – в Германии и землях, находившихся в сфере германского культурного влияния (Австрии, отчасти в Швейцарии, Чехии, Польше, Дании, Швеции) в XVII–XVIII веках, – общее название клавишных музыкальных инструментов – клавикорда, клавесина, фортепиано, органа и их разновидностей. – *Примеч. ред.*

Леопольд Моцарт.
Художник Пьетро Антонио Лоренцони. 1766 г.

Спальня находилась в центре дома, низенькие детские кроватки стояли рядышком с большой родительской. В глубине квартиры располагался отцовский кабинет с письменным столом, на котором папа записал первые сочинения Вольферля. Тот стал писать ноты раньше букв. За дверью, в глубине пустынного каменного коридора, находилась теплая кухня, где Тереза жарила к обеду каплуна, любимое блюдо мальчика, и где пес ревностно следил за каждым движением руки, касавшейся мяса. Тереза, г-н Кенар, пес и каплуны – все они получали сердечные приветы от Вольфганга в письмах, когда он пребывал далеко от дома.

В гостиной малыш получал уроки игры на клавире. Леопольд начал учить Наннерль в возрасте семи лет, и Вольфганг, которому едва исполнилось три года, не остался в стороне. Обычно он, сидя на полу, возился с кубиками или поварешкой, и, внезапно услышав определенные звуки, бросал игрушки и, двигаясь почти машинально, устремлялся к клавиру. Он стоял как завороченный, не замечаемый отцом и сестрой, а когда урок сестры заканчивался, протягивал ручонки к клавишам и осторожно, легко касался их. Его крошечные пальчики отыскивали терцию – и ах! Он радостно ворковал и трогал следующие две клавиши, одну за другой – а вот и еще одна терция! Безумный восторг. Пальцы двигались дальше, но пропускали нижнюю ноту и задевали две соседние клавиши – диссонанс! Малыш останавливался, шумно вздыхал и от разочарования принимался плакать. На следующий день ему удавалось исправить ошибку, а дальше – попытаться подобрать мелодии, которые он слышал во время занятий Наннерль. Когда ему исполнилось четыре, Леопольд начал, скорее в шутку, чем всерьез, учить музыку и сына.

После года занятий ничего, кроме музыки, мальчика не интересовало. Он просиживал за инструментом сколько угодно времени – с огромным прилежанием и удовольствием. У него были мягкие светло-рыжие волосы, которые свисали над смешным воротником его камзола, точь-в-точь такого же, как у Леопольда, стоявшего рядом, только маленького. Одна рука отца поднята, чтобы отбивать такт, другая, сжатая в кулак, погружена в карман. У отца холодные, выпуклые глаза, рот с тяжелой нижней губой (что якобы говорит о страстности), но её уравновешивала жесткая челюсть. Подбородок властный, широкий и массивный. Леопольд носил парик и свой официальный костюм с гордостью: его происхождение из среды ремесленников не имело никакого отношения к его нынешней придворной должности. Тон, которым он обращался к Вольфгангу, и его манера вести себя с сыном говорили о заботе, однако привычка держаться с достоинством была очень заметна. Нежно снимая детскую пухленькую правую руку с клавиш, он твердит: «Нужно, прежде всего, безукоризненно играть каждой рукой по отдельности. А потом – обеими... И-и раз!»

Спина крошки выпрямлена, как у солдатика, круглые глазенки, которые с возрастом станут более выпуклыми из-за слабого здоровья и напряжения, неотрывно вглядываются в нотную тетрадь, исписанную безупречным, словно надпись на гравюре, почерком отца. Посетитель дивился тому, что эти мягкие, толстенькие пальчики, в которых едва ли достаточно силы, чтобы намазать себе маслом хлеб, могли быть столь точными, столь твердыми и столь полно владеть неглубокими клавишами. Когда наблюдаешь невероятную сосредоточенность малыша, его добровольное рабство и замечаешь смесь почтительности и осознанности у отца, становится очевидно, что происходит не просто урок, а скорее – подтверждение чуда, сотворенного Господом прямо сегодня, ибо Леопольд практически убежден, что этот гений есть знак божественного благоволения, и потому его нужно принять как должное и направлять. И потому отец, получая ежедневные подтверждения чуда, прежде возносил хвалу Господу, после чего продолжал занятия. Редко бывало, чтобы Вольферль не с первого раза исполнил услышанный от отца фрагмент. Каждый миг его занятий был бесценен и стоил нескольких недель обычных упражнений. Ребенок, казалось, всё уже знал заранее, до того, как ему объяснят; его музыкальный инстинкт был таков, что на деле оказывалось: он действительно знает.

Леопольд, Вольфганг и Наннерль Моцарты. Акварель Л. Кармонтея.
Париж, 1763–1764 г.

Урок заканчивается. Вольфганг в полчаса разучил менуэт, исполнил его без ошибок и в хорошем темпе, и теперь Леопольд велит сыну слезать и отправляться играть, но тот не выказывает в ответ никакой радости, не спешит, не прыгает от счастья. Мальчик хочет остаться, он уговаривает поиграть в четыре руки, просит сестру поиграть вместе с ним. Леопольд сказал: «Наннерль закончила на сегодня, ты тоже – свободен!» Но сперва нужно обняться, поскольку недостатка открытых проявлений взаимной любви у этих двоих не бывает. После чего Вольферль хватается отцовскую трость, вскакивает на неё верхом и в мгновение ока превращается в обычного мальчугана, гарцующего по всем комнатам на лошадке. При этом он еще и поет, безошибочно попадая в ритм, тут можно не сомневаться. Он вообще не питал интереса к играм, для которых не требовалось музыкального сопровождения. Когда навевались приятели отца, им приходилось включаться в игру Вольферля. Тот, кто не участвовал в процессиях, переносил игрушки из одной комнаты в другую, должен был петь или исполнять на скрипке марш. А каждый вечер перед сном происходила одна и та же детская церемония. Стоя на стульчике позади отца, Вольферль пел на мотив песенки собственного сочинения ничего не значащие итальянские слова: «Oragna figata fa, marina gamina fa», – после чего целовал Леопольда в нос, обещал держать его в стеклянном футляре, когда он состарится, и ложился спать.

Монах по имени Буллингер был одним из близких друзей всей семьи, а трубача Шахтнера оба ребенка просто обожали. В один из четвергов Шахтнер с Леопольдом пришли вместе после дневной службы и, поднявшись по лестнице, обнаружили четырехлетнего Вольферля за занятиями с нотной бумагой, пером и чернилами. Очень много чернил! Малыш до самого дна погружал гусиное перо в чернильницу, а потом ладонью стирал упавшие на бумагу капли. Леопольд тут же проявил необычайное чутье в понимании детской психологии. Он не стал ругать сына за пролитые чернила и испачканную одежду, не посмеялся над его претензией выглядеть взрослым композитором. Он серьезно спросил, что тот делает. Не отрывая взгляда от бумаги, Вольферль ответил:

- Пишу концерт для клавира и стираю лишние кляксы – скоро закончу.
- Дай посмотреть!
- Нет, папа, концерт еще не закончен. Тебе будет трудно понять, какой он.

Но Леопольд настоял на своем и взял в руки листок бумаги. Взрослые обменялись многозначительными улыбками. Леопольд принялся изучать «очевидную бессмыслицу», выделяя ее композицию и тему. Его глаза расширились, наполнились слезами. Он молча протянул бумагу Шахтнеру и обратил его внимание на детали. Наконец он изрек, со вздохом изумления: «Малыш не только написал концерт, он написал такую сложную вещь, что вряд ли кто-нибудь ее исполнит».

Тут Вольферль, терпеливо дожидавшийся своей рукописи, прошептал:

– Да, да, папуля, ты прав! Он такой трудный, вот почему это концерт. Его нужно разучить как следует, чтобы играть хорошо. Но посмотри...

Он подбежал к инструменту, растопырил свои толстые пальчики, но смог только показать, что он имел в виду. Он намеренно сделал свое сочинение трудным, ведь играть концерты и творить чудеса – это одно и то же, конечно!

На следующий год, после того как семья возвратилась из Вены, Шахтнер привел как-то днем к Моцартам придворного скрипача Вентцеля. Вентцель сочинил шесть трио, которые он хотел сыграть с Леопольдом и Шахтнером, а Леопольд был способным скрипачом и автором учебного пособия по игре на скрипке. Едва вынули скрипки и партитуры, Вольферль, вертевшийся неподалеку, был тут как тут. У него уже была своя крошечная скрипка, но еще не было ни одного урока. Схватив свою скрипочку, он уселся вместе со взрослыми и принялся упрашивать, чтобы ему дали исполнять партию второй скрипки.

Леопольд возразил:

- Как ты можешь играть вторую скрипку, если у тебя еще не было уроков?

Стараясь не показать, как дрожат его губы, Вольферль сказал:

– Но, папуля, чтобы играть вторую скрипку, совсем не нужно учиться!

Не обращая внимания на эту мудрую мысль из уст своего младенца, Леопольд отрезал:

– Вольферль, мы начинаем, ты нас задерживаешь. Как ты несносен! Уходи сейчас же!

Полились слезы, и, прижимая к себе свою скрипку, малыш отошел в сторону и горько заплакал.

Этого мягкосердечный Шахтнер вынести не мог.

– Послушай, Леопольд, – вступился он за мальчика, – пусть он играет со мной мою партию! – Он подмигнул отцу и еле слышно добавил: – Ты ничего не услышишь.

Леопольд, все еще сердитый, наконец сдался.

– Только, Вольферль, – сказал он, грозя пальцем, – ты не должен играть громко, так, чтобы тебя кто-нибудь слышал, ты понял? Иначе сразу же уйдешь.

Кто-то вытер ребенку нос, подставил ему стул. Началось первое трио. Играя, Шахтнер поглядывал на Вольферля. Через несколько минут стало очевидно, что старый трубач лишний. Пятилетний ребенок идеально вёл партию второй скрипки. Шахтнер неслышно опустил смычок, бросил украдкой взгляд на Леопольда и отошел в сторону со слезами, катившимися по лицу. И пока все шесть трио не были сыграны, сказано было мало. А после Леопольд не смог дольше сдерживать своих гостей. Те бросились к мальчику с возгласами восторга и поцелуями, и это так воодушевило его, что он настоял на исполнении партии первой скрипки – и добился своего, и сыграл, хотя и не совсем безупречно, но и не настолько плохо, чтобы подвести остальных.

То был гениальный ребенок, пламя его таланта было ослепительно ярко. Но, как ни удивителен был этот подвиг, правда и то, что многие скрипачи проявили аналогичную одаренность в детстве; немало маленьких русских мальчиков умели играть вторую скрипку с листа в возрасте пяти лет. Моцарт отличался от других юных чудо-музыкантов не столько безупречностью исполнения, сколько врожденной тягой к творчеству. В этом заключалось истинное, редкое зерно его величия. Он обладал должным талантом, чтобы превосходно играть на скрипке или клавире, но этот дар сделал бы его просто еще одним бессмертным интерпретатором музыки. Но музыкально он вообще себя не проявлял, до тех пор пока не попробовал сочинять. Когда он забросил игрушки и стал присутствовать на уроках Наннерль, его привлекали не столько приятные звуки, как непреодолимое стремление ответить на заполнявший всю его детскую душу порыв, и это способствовало росту его души, до тех пор пока она не стала главенствовать в его мире.

Важную роль сыграло то, что Леопольд признал своего ребенка в качестве музыканта-творца, а не просто чудо-исполнителя. Можно обвинять отца в том, что он таскал беспомощного младенца по всей Европе в качестве забавы для падких до сенсаций аристократов, но он, несомненно, был глубоко прав, делая акцент на творчестве. Мы не смеем даже подумать о том, что было бы, если бы не педантичная совестливость Леопольда и уравновешивающая ее великая отцовская любовь. Вольфганг наверняка бы блеснул и погас, словно вспышка пламени, которой суждено погаснуть из-за собственных слабостей, а их у Вольфганга было много. Он мог быть небрежным, мог быть непостоянным. И тут, в кои-то веки, Бог оказался не только добрым, но и разумным. Он вложил в Вольфганга Моцарта то, что является самым незамутненным, самым что ни на есть чистым гением, когда-либо рождавшимся среди людей, а затем передал его на попечение Леопольда. Пышный цвет, полученный в результате, был неслучаен.

Курс, которым следовал Леопольд, был крайне сложен, но он лавировал достаточно искусно. Излишнее давление, слишком жесткое применение педагогических методов загасили бы пламя в мальчишеском сердце и могли вызвать бунт против дисциплины. Излишняя нежность, избыточное потакание данному от природы чутью обычной похвалой и восхищением создали бы музыканта неряшливого, если бы таковой вообще получился; никогда бы он не

развил в себе несравненную отточенность, которая отличает каждую фразу у Моцарта. Леопольд, уча ребенка писать красиво и правильно, так что это стало пожизненной привычкой, умел настолько сбалансировать зреющее понимание приоритетов, что механика никогда не вторгалась в чрезвычайно важное течение идей. Точно так же не позволялось поддаваться возбуждению из-за успеха на концерте. Постоянно постигать музыку, но только не себя в качестве ее исполнителя. С Вольфгангом обращались как со взрослым (каковым он и был) в рассуждениях о музыке. Так он смог в двенадцать лет сформировать заслуживающее внимания мнение о современной ему композиции, не обремененное юношескими предубеждениями, продиктованными капризом, ревностью или тщеславием. Как все истинные труженики, он знал подлинную цену своим произведениям; и, хотя слово «скромность» не было применимо к его ментальности, мы понимаем: только истинная скромность позволяет человеку по-настоящему осознать, насколько хорош его труд. Эту способность разобраться, что к чему, он обрел достаточно рано. Она могла сделать его нетерпимым, но за ним подобного не водилось.

Никто не знает, приходилось ли Леопольду когда-нибудь сомневаться в том, насколько мудрым было его решение эксплуатировать двоих детей на публике. В конце концов, он был всего лишь нуждающимся музыкантом. А от музыкантов, независимо от их жизненных обстоятельств, в XVIII веке никто не ждал вкуса и рассудительности. Они были слугами при дворе, по своему положению немногим выше, чем лакеи, на деле редко достигавшими чего-то сверх превращения данного им таланта в кусок хлеба. Известность была их первейшим реквизитом, ибо более всего они зависели от репутации, чтобы заполучить место. Если Вольфгангу предстояло когда-либо занять высочайшее положение на службе у вельможи, ему не мешало начинать добиваться известности, и чем раньше, тем лучше. Что касается Наннерли, то она, разумеется, никогда не станет дирижером или композитором, тем не менее самые суровые и придирчивые критики признавали, что она была необычайно искусной пианисткой. Когда сестру представляли заодно с братом, это только прибавляло ему очарования. Какое чудо! Так, как она играла в десять лет, он играл уже в шесть; вреда никакого, а пользу из сравнения при желании можно извлечь большую.

При этом нужно помнить, что о детях тогда не было принято рассуждать в столь сложных психологических категориях, как в наше время. Рождалось много детей, как правило, каждый год, однако выживало мало (за что втайне благодарили судьбу). Если выжившие детки ничем не выделялись, они вырастали обычными горожанами. Если же у них обнаруживались какие-либо таланты, родители торопились эксплуатировать их, поскольку таланты эти производили наибольшее впечатление, пока дети малы, и это золотое время весьма ограничено. Леопольд ни за что не признался бы, что в этом состояла его побудительная идея; он утверждал, что заботится о будущем.

Однако Моцарт с рождения получил подлинную гениальность, достаточную, чтобы усилить физические данные обычного ребенка. Есть некая тайна в том, как он, с его хрупким телом, выжил, несмотря на фантастические трудности двенадцати лет утомительных путешествий, тяжелого быта и публичных выступлений. Тем более поразителен тот музыкальный поток, который все эти годы струился в его детском сознании, ведь он, в самом деле, имел сознание и душу ребенка и сохранял их, несмотря на ненормальные требования, предъявляемые к нему.

В то же время он не избежал той изощренности, которая естественно овладела мальчиком, живущим среди музыкантов, чей беспечный образ жизни и грубая простота высказываний мало отличались от того, что можно наблюдать и сейчас. Зальбургцев всегда отличали низкопробный юмор, грубые шутки, двусмысленное балагурство, к чему Вольфганг был весьма расположен в силу темперамента. Невзирая на любые серьезные и даже очень грустные события жизни, он всегда любил хорошо посмеяться. Когда он начал вести переписку, свои послания уснащал лукавыми намеками на недопустимые в беседе вещи, и это настолько изумляло чита-

телей «нашего дорогого, изысканного маленького Моцарта», что у них от ужаса перехватывало дыхание. «Он прыгает неплохо, но пишет не так хорошо, как я, а скорее так, как мочатся поросята», – замечает тринадцатилетний мальчик по поводу *grottesco* в Мантуанской опере, – и перед нами совсем не тот жеманный исполнитель менуэтов, каким его нередко изображают.

Его публичные выступления начались в сентябре 1761 года в возрасте пяти лет. Он выступил в качестве певчего в комедии на латинском языке, поставленной по случаю окончания учебного года в зальцбургской гимназии. Музыка к пьесе написал придворный органист Эберлин, а Вольферль был одним из 150 детей, занятых в постановке. Леопольд в целом отнесся к спектаклю с пренебрежением, но он был готов, как всегда, поддержать всё, что только могло привлечь к Вольферлю внимание публики. Это произошло в тот самый год, когда Леопольд записал первое сочинение Вольферля в нотную тетрадь, по которой тот разучивал свои менуэты. Мелодии, конечно, простые, и ясно, что это замыслы ребенка, но их обработка совершенна, и в ней мгновенно чувствуется Моцарт. Лучшего подтверждения его врожденной чистейшей музыкальности и основательности не найти, и многие опытные аранжировщики не справились бы лучше, чем младенец, который просто играл то, что слышал в своей голове.

Вольфганг в возрасте 6 лет. Неизвестный художник, предположительно Пьетро Антонио Лоренцони. 1763 г.

Почти до своего шестилетия Вольферль вел счастливую и ничем особенно не обремененную жизнь. У него был ангельский нрав – последнее, чего можно ожидать от ребенка-гения. Милый, покладистый, послушный, бесконечно ласковый. Никакой вспыльчивости или раздражения, никаких гневных выкриков или топая ножкой. Он выполнял задания, какими бы они ни были, легко и споро. Он был захвачен музыкой, до тех пор пока не открыл для себя начатки арифметики. Дом разом наполнился цифрами, выведенными всюду: свободного места не оставалось ни на стенах, ни на полу, ни на столах и стульях. Такая страсть к математике

тесно связана с его громадным талантом к контрапункту. Музыка, тем не менее, была единственным реальным средоточием его интересов. Вся его шаловливость, выраженная в тривиальных шутках и розыгрышах, исчезала в тот момент, когда он подходил к клавишину или клавибордам. Леопольд, раздумывая о прошлом, в последующие годы писал ему: *«Даже твое лицо было таким важным, что многие умнейшие люди, видя твой талант, столь рано развившийся, и твое лицо, всегда серьезное и задумчивое, были озабочены продолжительностью твоей жизни»*. Это ужасное пророчество не цитировалось бы столь самоуверенно, если бы Леопольд сознавал, что его собственное неуместное честолюбие стало преимущественной причиной жизненных тягот его сына и прискорбно раннего его ухода.

Конечно, он не осознавал этого и тщательно разрабатывал планы. Мюнхен, столица Баварии, резиденция курфюрста и его двора, стал его первой целью; сенсация, которую его дети произведут там, должна была очень скоро вернуться в Зальцбург. Это то, чего хотел Леопольд, чтобы укрепить свою значимость в глазах архиепископа Сигизмунда. Матери были отданы все необходимые распоряжения. Перед поездкой она собрала и вычистила самые теплые детские вещи и концертные костюмчики; навела блеск на металлические пряжки и пуговицы, связала теплые чулочки и митенки, упаковала багаж. Двенадцатого января большая крытая карета с грохотом пересекла грязные, покрытые снегом камни Лохельплаца и остановилась перед домом 225 на Гетрайдегассе. Мать сбежала по ступенькам, нагруженная ковриками и одеялами, в сопровождении взволнованных детей. Леопольд в треуголке и шинели стоял в стороне, пока она рассаживала малышей по местам, укладывая тут же свертки с едой и бутылки с домашними напитками. Она укутывала детишек, наказывала Наннерль хорошенько присматривать за Вольферлем и следить, чтобы тот не ел ничего ужасного, беречь его от сквозняков, не позволять ходить с мокрыми ногами, давать ему ремень, если это будет нужно, и чтобы сама Наннерль была хорошей девочкой. Она крепко обняла своего мальчика, поцеловала в обе щеки и, пятясь, вышла из кареты, чтобы обнять на прощание мужа. Тот вскочил внутрь, дверца захлопнулась, ступеньку убрали, шелкнул кнут, словно выстрел. Мать скрылась в дверях, чтобы на нее не падал мокрый снег, махая передником двум детским личикам, прижатым к стеклу заднего окна повозки, которая завернула за угол и исчезла из виду. И если в глазах матери не стояли слезы, то это была бы не она, та, которую мы знаем. Карета прогремела через весь город, обогнула замерзшую реку Зальцах и нырнула между двумя остроконечными горными вершинами. Новый незабываемый ритм вселился в сердца юных пассажиров – глухой грохот тяжелых колес, отрывистый стук шестнадцати больших копыт.

Самое начало короткой и яркой жизни.

II 1762–1763

Леопольд был не только хорошим отцом и хорошим учителем, он был еще и первоклассным рекламным агентом. По приезде в Мюнхен он, не откладывая, принялся распространять слухи о своих чудо-детях. Вскоре их пригласили выступить в нескольких аристократических домах, а там они были позваны и во дворец к самому курфюрсту Максимилиану III Иосифу. Дети произвели прекрасное впечатление, после чего их с радушием приглашали повсюду. Вознаграждение за подобные концерты зависело от желания высокородного покровителя; в удачные дни оно могло быть и в дукатах. Бывали случаи, о чем свидетельствует громадное собрание колец, табакерок и прочих безделушек, когда вся ненадежность этого обычая становилась для Леопольда очевидной. Но первая поездка в финансовом отношении оказалась успешной, так что через три недели отец собрался домой, имея в запасе новый, более масштабный план. Следующие девять месяцев спокойно провели в Зальцбурге, упражняясь в игре, изучая новые произведения, чувствуя себя готовыми не спастись ни перед какими исполнительскими трудностями. Вольфганг занимался и на скрипке, а также сочинял менуэты и небольшие пьески, которые Леопольд с неизменной тщательностью записывал в тетрадь Наннерли. Тетрадь эта позже попала в руки семейства, живущего в Граце, а те продали ее русской княгине Полине, которая возвратила тетрадь в тот самый дом, откуда начались странствия, ровно через сто лет после того, как дети ею пользовались.

В сентябре, зная, что важные люди будут возвращаться в город из загородных домов и с отдыха на водах, Леопольд велел кучеру отвезти всё своё семейство в Вену. На этот раз мама упаковала свои лучшие шелковые наряды и воротнички из настоящих кружев вместе с украшениями дочери. Средства были собраны заранее – взяты в долг у Хагенауэра, любезного квартирному хозяину, и Моцарты отправились в Линц, где сделали первую остановку в пути. Всё необходимое пришлось взять с собой: клавир, две скрипки, папки нот, громоздкие сундуки с одеждой; все это помещалось на крыше кареты. Передвигались в ноблементе, личном экипаже, нанятом отцом, а не в почтовой карете и не в дилижансе. Подобная экстравагантность объяснялась отчасти плохими дорогами, а отчасти – теми требованиями, которые престиж и репутация высокопоставленных лиц при дворе невольно накладывали на отца семейства. Тем более что в глубине души Леопольд считал себя и свою семью выше тех бродячих артистов, которые наводнили всю Европу, стараясь как можно лучше проявить себя, любой ценой добиваясь покровительства. Леопольд снискал расположение высокородных аристократов и был при этом достаточно опытен, чтобы понимать: ничто так не способствует успеху, как успех – или, на худой конец, его видимость.

Вольфганг очаровал толстого епископа Пассау, и тот, с многочисленными поцелуями и благословениями, уговорил их остаться на пять дней, вопреки первоначальным намерениям Леопольда. Разбивая доводы бедного отца, епископ его вознаграждал, дав один дукат почти за неделю непрерывных выступлений, но дети в конечном итоге сыграли концерт в очередном городе – Линце, под покровительством графа фон Шлика, наместника провинции, что несколько уменьшило расходы, связанные с великой честью пользоваться признанием у духовенства. Двое местных вельмож, граф Герберштейн и молодой Пальфи, слышали, как играют дети, и привезли эту новость в столицу, до того как они туда прибыли. Это обрадовало Леопольда, который писал Хагенауэру пространные отчеты обо всем, что происходило, возможно, как способ частично покрыть свои многочисленные обязательства. Но покровительственный тон этих писем почти не оставляет сомнения в том, что Леопольд думал, будто оказывает бедному провинциальному Хагенауэру громадное одолжение, посвящая его в некоторые подроб-

ности придворной жизни. А где еще он потешил бы свою гордыню, как не в письмах, которые наверняка будут зачитываться вслух в присутствии всех изумленных обитателей дома?

Они проехали из Линца в Вену водным путем, по Дунаю. Даже на таможене Вольферль придумал, как укротить свирепые порядки, и до такой степени очаровал таможенных чиновников, сыграв менуэт на скрипке, что те пропустили его багаж без обычных в подобных случаях утомительных проволочек. (Через шесть лет он подпишет письмо к Ханнерли «*Wolfgang de Mozart, Edler von Hochenthal, Freund des Zahlhausens*»⁵.)

Герберштейн и Пальфи достойно исполнили все обещания, данные Моцартам, и аристократическая Вена предвкушала встречу с чудо-детьми. В одно мгновение они сделались темой для разговоров в городе, графини и княгини наперебой спешили ввести в высший свет новое явление «чудо». Всё складывалось удачно, однако взор Леопольда был устремлен в одном направлении – в сторону Шёнбрунна⁶, и, к его вящей радости, оттуда, без его участия, пришло приглашение. Дети отнеслись к нему достаточно равнодушно, но их мать тут же начала хлопотать, так что на все вычищенное ею до блеска, выглаженное и подвитое любо-дорого было смотреть. Личный секретарь (управляющий) прибыл за ними в одной из императорских карет к гостинице «У Белого Вола» на Фляйшмаркте, где они остановились. Их появление в императорской резиденции было столь же торжественным для Леопольда, как и обыденным для Вольфганга, который увидел в Марии Терезии добрую, ласковую женщину. Он взобрался к ней на колени, обнял за шею и горячо расцеловал.

Вид на Шёнбрунн при Марии Терезии. Художник Бернардо Белотто. 1758–1761 гг.

Такая непосредственность пришлась по душе императрице. Сама она произвела на свет в общей сложности 16 детей и хотя, по необходимости или в силу традиции, являлась активным политическим игроком, любила она своих чад гораздо больше, нежели другие августейшие матери в те поневоле плодovитые времена. Императрица была слишком женщиной и слишком немецкой матерью, чтобы ее не очаровал этот привлекательный, талантливый ребенок. К тому же она была хорошей музыканткой. Отец, император Карл VI, обучил ее игре на клавире и

⁵ Вольфганг де Моцарт, дворянин фон Хоэнталь, друг казначея.

⁶ Шёнбрунн – летняя резиденция австрийских императоров. – *Примеч. ред.*

пению, а для своих детей она пригласила композитора Вагензейля, который в качестве учителя жил при дворе. Сын императрицы Иосиф, которому в дальнейшем предстояло стать благосклонным покровителем Моцарта (позволяя ему, тем не менее, голодать), был гордостью своего учителя Вагензейля, но его младший брат Леопольд остался к музыке глух. Отец братьев, император Франц I, больше прочих членов августейшей семьи восхищался Вольферлем, только он получал больше удовольствия от пустяковых забав с мальчиком, а не от его музицирования. Император видел чудо в том, чтобы заставить Вольферля исполнить пьесу одним пальцем или играть на клавишах, закрытых тканью. К счастью, мальчик недолго копил в себе презрение к подобным малохудожественным бессмыслицам. Он быстро научился доверять собственным инстинктам и не играть для людей, которые не способны были оценить его искусство. Будучи взрослым, он обычно терял самообладание и отказывался играть, если публика слушала без подобающего уважения.

Для первого появления при дворе Франц и Мария Терезия выбрали самый беззаботный и тихий день, чтобы дети могли играть, не отвлекаясь. В парадном зале вся королевская семья с заинтересованным видом уселась в непринужденных, естественных позах, младшие дети, не вынимая пальцев изо рта, широко раскрытыми от удивления глазами разглядывали двух юных жителей Альп. Строгий этикет и правила поведения были забыты – знакомство Вольферля с королевской семьей было таковым, что ни один король или император далее никогда не смущали его. Брат и сестра пробыли при дворе три часа и покрыли себя славой. В течение следующих четырех недель они регулярно появлялись в императорских залах, играли на клавесине ансамбли, сольные пьесы, исполняли скрипичные и клавесинные сонаты. Вольферль импровизировал и аккомпанировал детям императора. Брат с сестрой сделались любимым развлечением при дворе, но вызвали негодование в обществе.

В день своего тезоименитства императрица послала на квартиру, где остановились Моцарты, казначея с двумя придворными костюмами; костюм Вольферля был шит для эрцгерцога Максимилиана, а костюм Наннерли – для маленькой эрцгерцогини. «Желаете знать, как выглядит платье Вольферля? Лилейного цвета, из тончайшей материи, с таким же жилетом, камзол обшит двумя рядами широкой золотой каймы. Платье Наннерли... из белой затканной золотыми нитями тафты с разнообразными узорами...» То была, конечно же, одежда, в которой Леопольд заказал два известных портрета своих детей во время этого визита.

Вольферля совсем не впечатлило непомерное величие маленьких Габсбургов, и он играл с ними так же, как если бы это были жители окрестных деревень у него дома. Особенно он был привязан к семилетней Марии Антуанетте. Однажды он поскользнулся на натертом полу и упал, идя между ней и одной из ее сестёр. Мария Антуанетта помогла ему подняться и успокоила, тогда как сестра даже не остановилась.

– Ты добрая, – сказал ей Вольферль, – и, когда я вырасту, я женюсь на тебе.

Императрица спросила:

– Почему?

– Потому что я благодарный, – ответил он. – Она была добра ко мне, а ее сестра даже не обратила внимания.

Вспомни Мария Антуанетта 14 лет спустя благодарного маленького мальчика в Шёнбрунне, она могла бы облегчить Моцарту горчайшую из бед, какую довелось пережить молодому человеку. Но она была занята тем, что доила коров в Трианоне⁷.

Он относился к музыке с неизменной серьезностью, был совершенно правдив в критических высказываниях, восклицая своим пронзительным голосом: «Не в такт!» Или «Браво!»,

⁷ Мария Антуанетта стала королевой Франции в 1774-м. В этом же году Людовик XVI подарил своей супруге дворец Малый Трианон, ставший своего рода убежищем для юной королевы. Неподалеку от него была выстроена маленькая ферма с мельницей и несколькими домиками, внешне напоминавшими обычные крестьянские дома, но роскошно убранными внутри. На ферме содержались несколько коров, козы, овцы, куры и другие домашние животные. – *Примеч. ред.*

когда после полудня стоя слушал, как Иосиф играет скрипичные дуэты вместе с учителем. Он быстро устал изображать что-то вроде ручной обезьянки, развлекая двор, и в один прекрасный день потребовал, чтобы императора, сидевшего рядом за клавиром, сменил Вагензейль. Когда композитор пришел, Вольферль сказал:

– Я хочу сыграть один из ваших концертов, г-н Вагензейль. Вы не будете так любезны преворачивать для меня страницы?

Порой бывает трудно не поверить, что Леопольд не обучил сына сам этому безыскусному обращению, но отцу столь откровенная простота поведения в качестве способа расположить к себе императорскую семью никогда не пришла бы в голову.

Щедрые денежные пожертвования были выделены из императорской казны, и Леопольд с удовлетворением наблюдал, как высший свет следовал высочайшему примеру. Каждый вечер допоздна время его детей было до предела занято благодаря приглашениям в самые модные дома.

«Сегодня мы у французского посла, а завтра идем к графу Гарраxu. Всюду нас доставляют в каретах императорской семьи и так же привозят обратно... Как-то раз мы пробыли в одном месте с половины третьего до почти четырех часов; и вдруг у него дома граф Гардегг послал за нами карету, которая помчалась на полном галопе, чтобы успеть в дом некой дамы, где мы находились до половины шестого, после чего мы почти до девяти вечера находились у графа Кауница».

Такой противоестественный режим нельзя было выдерживать столь длительное время без вреда для здоровья. Двадцать первого октября, после концерта в Шёнбрунне, Вольферль внезапно заболел – у него был жар и красная сыпь. Леопольд написал домой, чтобы отслужили мессу в честь местных святых, но скарлатина оказалась сильнее, чем молитвы в Зальцбурге, так что в течение четырех недель семья была изолирована – без увеличения доходов, если не считать вежливых расспросов со стороны членов августейшей фамилии, посылавших лакеев с записочками, но не с деньгами.

Когда Вольферль, бледный, дрожащий, возвратился в гостиные, большинство его покровителей стали попросту избегать его общества, ибо страх инфекционных болезней был натуральным образом подобен мании; оставшиеся концерты поощрялись пряжками для башмаков, стихами и любезными улыбками императрицы. Тут как раз Леопольд получил приглашение в венгерский Прессбург, совершенную глухомань. То, что этот безумный поступок – бешеную гонку в разгар зимы с детьми – судьба оставила безнаказанным, конечно, равносильно чуду.

В Зальцбург они вернулись в январе 1763 года, преодолев местность с неопишимо трудными дорогами, а то и вовсе без дорог. Леопольд отсутствовал в Зальцбурге четыре месяца, положенный ему отпуск был давно исчерпан, и потому реакция архиепископа Сигизмунда была далеко не снисходительной. С этого момента вражда между Леопольдом и его покровителем длилась, пока не закончилось детство Вольфганга. Но, отдавая должное архиепископу, надо признать, что Леопольд делал ничтожно мало, чтобы отработать свое жалованье, и что он не колебался, если приходилось выбирать между его прямыми обязанностями и готовностью гнаться за деньгами и славой в хвосте Вольфганговой кометы.

Европа, по дорогам которой кочевали Моцарты, представляла собой скопление мелких государств, с их подвижными границами, на землях этих государств разгорались и затухали спорадические войны. Политическая жизнь Европы была полна публичных и частных интриг, соперничества разного рода – от принцев, воюющих из-за тронов, до женщин, воюющих из-за принцев. Лишь некоторые страны, а именно Англия, Франция и Россия, претендовали на самовластное правление, тогда как Германия и Италия состояли из сотен разрозненных маленьких княжеств, каждое с собственным владыкой и двором, все подвластные титульному правителю – императору Священной Римской империи германского народа, на тот момент Францу I Лотарингскому, герцогу Тосканскому, который был избран только лишь потому, что

он был консортом Марии Терезии. Императоров выбирали, и принято было, в конечном счете (на острие меча), что эрцгерцоги Австрии, аналогично королям Венгрии и Богемии, носят данный титул, хотя формальность выборов была также предписана, а император обычно короновался во Франкфурте-на-Майне.

Бавария, частью которой был Зальцбург, находилась под управлением курфюрста, Пруссией и Саксонией правили короли, Пфальцем (Германией вдоль берега Рейна) правил курфюрст. В Парме, как и в других итальянских герцогствах, власть принадлежала герцогу; в Неаполе и Сицилии правил король, в Венеции – Совет дождей, прочие южные или центральные малые страны, Голландия, Фландрия, Люксембург, Лотарингия и многочисленные герцогства принадлежали Австрии; алчные Габсбурги соединились узами брака почти со всеми правящими семействами, от величайших до незначительных. Мария Терезия выдала дочерей замуж за французского короля, за короля неаполитанского, за герцога Пармского, за герцога Саксен-Тешинского, а ее сыновьям достались в жены принцесса испанская и герцогиня Моденская. Как и в любом другом семейном кругу, это не могло продолжаться без ссор. Поэтому случались войны, и не только между открыто враждовавшими державами, как Пруссия и Австрия, Швеция и Россия, но и теми, чьи правителей связывали узы брака, и где, как предполагалось, возобладала преданность империи.

До Наполеона, тем не менее, эти войны носили характер комической оперы-буффа. Разумеется, происходили сражения, но эти битвы длились не дольше одного дня, разыгрываемые профессиональными солдатами на открытой местности, где близлежащие населенные пункты не подвергались опасности обстрела, а провиант для воюющих армий мог поставляться так расчетливо, чтобы не обрекать на голодное существование соседние города и селения.

Путешественники подвергались опасностям, но не тем, которые следовало бы считать результатом войн. Наиболее вероятными были происшествия с каретами и лошадьми, грязь, разбойники на дорогах, холод и голод и, в довершение всего, – отвратительные деревенские гостиницы, от которых не ждали ничего хорошего, *«где, добровольно или против воли, приходилось спать разве что не под открытым небом. Там любого поджидали ужас или опасность. Там хозяин без зазрения совести извлекал максимум выгоды из нужд постояльца. Там во множестве водились блохи, клопы и крысы, тучи мух, а еще были грязь невероятная, объедки с неизбежным зловонием, нечистое белье, удушающие ароматы канализации, если таковая вообще имелась»*. Вот какие условия и атмосферу выбрал Леопольд своим детям; это да еще – ложное представление о монарших дворах и мимолетное признание поверхностных и равнодушных людей.

Моцарты, как и все прочие в те времена, могли ездить, куда им заблагорассудится. Если их что-либо тревожило, то это были не тяготы войны или угрозы со стороны военных. Путешественникам хватало еды и питья, хотя и не самых изысканных, всегда были свежие лошади, пусть даже обычные почтовые.

Войны, вовсе не считавшиеся некоей национальной катастрофой, составляли часть обычных королевских обязанностей; остальное – это интриги, любовные дела и раздача привилегий, да ещё, к вящей славе монархов, главы государств покровительствовали искусствам. Живопись, ваяние, поэзия, драма и музыка процветали под эгидой монархов и князей, умевших ценить прекрасное.

При всем неприятии этих великолепных маленьких монархий современные демократии не могут предложить взамен ничего похожего на то изысканно демократичное, дружеское общение величайших аристократов с художниками, которых приглашали, чтобы украсить двор. Разумеется, у этой картины была и неприглядная сторона: Художнику-неудачнику, не обладавшему ни шармом, ни связями, ни авторитетом, чтобы снискать покровительство вельможи, грозила голодная смерть. Если Гайдн жил счастливо и безопасно при дворе князя Эстергази, Моцарт умер на тридцать лет раньше срока, как жертва этой жестокой стороны покрови-

тельства. Много можно сказать о современной демократии, когда писатель или композитор передают свои произведения издателю, пользуются равными шансами получить хорошую и заслуженную плату за свой труд и, быть может, стать в одночасье популярными идолами; но кажется порой, что великие пьесы и великая музыка создавались в те дни, когда художниками руководили аристократы, а произведения были адресованы подготовленной публике, больше нацеленной получать эстетические удовольствия от жизни. Как бы то ни было, Европа XVIII века была наводнена мелкими королевствами, главы которых, отчасти в силу искренней преданности красоте и отчасти из духа соперничества, являлись высокими покровителями всех искусств. Музыка процветала, как никогда. Знакомство с князем было почти равносильно приказу играть для него. Окинув взглядом это блестящее поле деятельности, Леопольд не мог не уверовать, что Европа – это его раковина, скрывающая в своих недрах драгоценную жемчужину, а гений Вольфганга – клинок, которым они ее вскроют.

В итоге после триумфального тура в Вену Леопольд на полгода засел в Зальцбурге, нехотя выполняя свои прямые обязанности при дворе и неутомимо составляя планы следующей поездки. Ни один потенциальный меценат и богатый любитель искусств не был забыт, к каждому из них заботливый Леопольд обзавелся рекомендательным письмом, бережно хранимым вместе с прочими необходимыми бумагами и вещицами. Между Зальцбургом и Парижем – конечной целью путешествия – имелось изрядное количество королевских дворов... Свои планы он объявил семье в мае. Мать усердно занялась приготовлениями, хотя её сердце ныло при мысли о новой долгой разлуке с родным очагом. Насколько долгой, она даже не могла предположить, готовясь покинуть своих добрых, гостеприимных друзей, Терезу и домашних питомцев. Она любила площади, арки, набережные Зальцбурга, его церкви, «Петерскеллер» – темное, священное место уединения, с его простой, привычной едой и холодным белым вином; место, где семья иногда ужинала, склоняя головы и крестясь, когда патер обходил столы, благословляя посетителей. Она любила жилища своих шумливых друзей, где ее простой душе довольно было обычных развлечений – метания колец и каскада незамысловатых шуток. А превыше всего она любила свой чистенький, пронизанный солнечным светом дом, с которым не сравнилось бы ни одно жилище в мире, независимо от того, насколько близко он находится от дворца. Тем не менее укладка вещей шла полным ходом, и даже в большем масштабе, нежели раньше. Вольферлю уже исполнилось семь, а Наннерль одиннадцать, когда они покинули дом в третий раз, 9 июня 1763 года. Леопольд задумал поездку в Париж, которая включала посещение по пути всех важнейших королевств. Он планировал также навеститься в загородные усадьбы, поскольку зная из-за жаркой погоды могла выехать из городов.

Едва выдержав в дороге сутки, карета сломалась (чудом никто не пострадал) – в Вассерберге. Там Вольферль впервые играл на органе, пока все ждали окончания ремонта экипажа. Далее был Мюнхен, где вновь играли для курфюрста, который заставил их ждать денег. Затем – Аугсбург, где они провели две недели в гостях у родственников и где Вольферль играл со своей четырехлетней кузиной Марией Анной Теклой Моцарт, которую называли *Das Bäsle* – Кузиночка. Ему предстояло со временем узнать ее гораздо ближе. Леопольд сожалел о потерянном понапрасну времени. Они потерпели первую серьезную неудачу в Людвигсбурге, где рекомендации к герцогу Вюртембергскому не помогли собрать достойное число слушателей в его летнем дворце. Леопольд приписал случившееся влиянию Йомелли, итальянского капельмейстера герцога, за что был назван вздорным и капризным, так как Йомелли был отличным музыкантом, слишком влиятельным, чтобы унижать себя ревностью к ребенку. Вольфгангу в дальнейшем действительно пришлось много раз сталкиваться с людской ревностью, но в эпизоде с Йомелли истина заключалась в том, что свет был не настолько впечатлен Леопольдом и его детьми, как тому хотелось бы думать.

Следующая остановка – в Шветцингене, летней усадьбе курфюрста Карла Теодора, который содержал один из лучших оркестров в Европе, в своей постоянной резиденции – Ман-

гейме. Оркестр выступал в летней резиденции, и его глубочайшее влияние на восприимчивого ребенка, который прежде никогда не слышал подобной музыки, едва ли можно переоценить. Одним из оркестрантов был флейтист Вендлинг, ставший до конца дней другом Вольфганга. Леопольд не скупился на щедрые похвалы в адрес оркестра: *«Он неоспоримо лучший в Германии, состоящий из молодых людей самой достойной репутации, не пьяниц и не игроков, и даже не склонных к шутовским выходкам; их поведение заслуживает высшей оценки не менее, чем их талант»*. Тут явная пощечина Зальцбургу с его простонародными нравами. *«Мои дети привели весь Шветцинген в волнение»*, – добавил он. Вполне вероятно, что это правда. Оттуда они направились в Гейдельберг, где Вольферль вновь показал поразительное, не по годам, искусство игры на органе. Когда в любом из городков им некуда было деть время, они шли к лучшему органу, подобно тому как современные туристы забегают в кинотеатр, убить время в ожидании поезда. В Майнце Моцартам пришлось дать публичные концерты, поскольку курфюрст был болен, а оттуда они двинулись во Франкфурт. Был запланирован один концерт, однако объявление в печати, демонстрирующее талант отца в качестве импресарио, добавляет ряд деталей.

«Всеобщее восхищение воцарилось в умах аудитории благодаря поразительной гениальности двоих детей 2-на Л. Моцарта, капельмейстера двора в Зальцбурге, в связи с чем потребовалось троекратное повторение концерта, который должен был состояться всего один раз.

С учетом всеобщего восхищения и пожеланий многих достойнейших знатоков, следующий и вероятнее всего последний концерт состоится сегодня вечером, во вторник, 30 августа, в Шарфшьер-зале на Либфрауенберге.

Маленькая девочка, которой идет 12-й год, будет исполнять сложные сочинения величайших мастеров; мальчик, которому нет еще и семи, будет играть на клавесине и клавикордах; также он сыграет концерт для скрипки и саккомпанирует на клавире во время исполнения симфоний, клавиши клавиря будут накрыты материей, тем не менее, исполнение будет отличаться той же легкостью, что и игра на видимых клавишах; мальчик на расстоянии мгновенно назовет все исполняемые ноты, по отдельности или взятые аккордами, на клавире или ином инструменте, а также производимые стеклянным сосудом, колокольчиком или часами. В заключение он будет импровизировать на клавикордах и органе так долго, как того пожелают присутствующие, в любой тональности, тем самым показывая, что он прекрасно знаком с любыми инструментами, какой огромной ни была бы разница между ними.

Каждый платит полталера. Билеты можно приобрести у “Золотого льва”.

На одном из этих концертов среди публики сидел красивый темноволосый, сентиментальный юноша четырнадцати лет. Это был Иоганн Вольфганг Гёте. Он уже знал французский, итальянский, латынь и греческий, но с разинутым ртом слушал «маленького волшебника» в напудренном парике и при шпаге. Не память ли о бедной маленькой обезьянке во взрослой одежде, показывающей музыкальные фокусы, подвигла Гёте в зрелости объединить Моцарта и Рафаэля и поместить их двоих во главе всех достижений, за «легкость и веселость» их искусства.

Оставшаяся часть долгого парижского путешествия через Кобленц, Бонн, Кёльн (где собор им показался запущенным), Экс и Брюссель позволила Моцартам заработать кучу безделушек, которых хватило бы, чтобы открыть сувенирную лавку, но недостаточно денег, чтобы оплатить счета в гостиницах и места в почтовых каретах, – причина, по которой Леопольд кисло промолвил, что не смог ничего получить за поцелуи принцессы Амалии.

В письмах ни разу не упоминаются прекрасные рейнские земли, ибо красоты природы были не нужны Моцартам – для них имел значение только рост их благосостояния. Поездка тянулась слишком долго! Вспыльчивость отца, вкуче с долгими днями духоты и качки в карете, стали для семьи настоящим испытанием. Дети постоянно болтали и вертелись, мать страдала от головной боли, отец вел неравную борьбу с финансовыми затруднениями и несговорчиво-

стью аристократических кошельков. Английская шляпка Наннерли, туалетная вода «за четыре дуката» и фламандское кружево; шпаги Вольферля, часы и табакерки одновременно были источником и гордости, и отчаяния. Леопольд предпочел бы деньги, но не мог заставить себя превратить эти вещицы в наличные, так что сундуки, «полные перуанских сокровищ», были за громадные деньги отправлены в Зальцбург, а отец продолжал обдумывать планы и комбинации, всякий раз всё более меркантильные.

III 1763–1766

Парижские улицы утопали в такой непролазной грязи, что продолжительные прогулки по ним было невероятно трудно. В ноябре, с его холодными дождями и отсутствием солнечного света, было и вовсе невозможно пешком ходить по Парижу. Всякий, кто был озабочен чистотой своего костюма, вынужден был либо ехать в карете, которая гремела по мостовой, разбрызгивая грязь и снег на всех встречных-поперечных, либо передвигаться в портшезе. Леопольд нанял три экипажа (фантастическое тщеславие!): первый – для транспортировки детей, другой – для доставления писем по адресам важных особ и третий – лично для него самого по неоложным делам. При всей благосклонности графа фон Эйка, посла Баварии, который любезно предоставил им комнаты в своем доме, и при всех письмах от влиятельных немецких вельмож, Моцарты рисковали уехать из Парижа ни с чем. Но у Леопольда имелось письмо от одной купеческой жены из Франкфурта некому Фридриху Мельхиору Гримму, которое оказалось ключиком от заветной двери.

Этот господин, прославившийся в дальнейшем как барон империи, посол, энциклопедист, близкий друг Дидро, еще более близкий друг мадам д'Эпине и многолетний корреспондент Екатерины Великой, а также автор увесистой «Литературной переписки» с доброй половиной всех коронованных особ Европы. Он в то время был немецким искателем богатства, находившимся в Париже в добровольном изгнании. Чем дольше Гримм там находился, тем больше его врожденные тевтонские добродетели уступали приобретенным французским порокам. Когда Моцарты обратились к нему в первый раз, он был секретарем герцога Орлеанского, что открывало ему доступ в каждый знатный особняк. Гримм считался блестящим собеседником и признанным в Париже знатоком номер один в области музыки. Всё это было весьма полезно, чтобы продвигать дело Моцарта и слыть спонсором его семьи. Все вожаемые двери Парижа вскоре распахнулись перед детьми. Кроме того, барон устроил их публичные концерты и представление в Версале, которое состоялось перед самым Рождеством.

Внутреннее устройство и порядки королевского двора привели Моцартов в замешательство. Людовик XV – в одних покоях, его супруга, бедняжка Мария Лещинская, – в других, дофин – в третьих, а на первом этаже, в невиданной роскоши – мадам Помпадур. Дамы всех титулов и званий сновали то тут то там, уснащая не слишком приятную атмосферу бесполезными духами. Щеголи со вшами на париках провожали дам на затхлые антресоли, где те принимали поклонников, спали и между делом выполняли свои разнообразные обязанности. Порывы студеного ветра пронизывали просторные залы, украшенные мрамором и зеркалами. Случалось, вино замерзало на столах. Любовь к мехам, вполне объяснимая в этих вымороженных помещениях, стала пискom моды, *«дамы носят одежду, отороченную мехом и летом, и зимой; мех носят на шее, его носят в причёске вместо цветов и в руках вместо лент... Смешнее всего видеть перевязь для шпаги, украшенную отделкой из меха. Должно быть, это радикальный способ уберечь шпагу от переохлаждения»*.

Бесценные шпалеры висели на сырых мраморных стенах, комнатные собачки пачкали углы. К величественным лестницам вели грязные пролеты и зловонные коридоры, которыми пользовались девицы, пробегавшие в спальню короля, *bouchée*⁸, посланные Помпадур между оргиями в Оленьем парке. Там было много всего такого, что относится к внешним формам, но никакой приватности, а если что-либо и не было совсем очевидно, за тем можно было подглядеть в глазок замочной скважины. Моцарты всё это наблюдали, пораженные контрастом с

⁸ *Bouchée* — таралетка, пирожное на один укус (фр.), так, вероятно, называли при дворе Людовика XV юных наложниц короля. – *Примеч. ред.*

Шёнбрунном, ибо, несмотря на весь показной этикет чопорного венского двора и неофициальные мелкие грешки императора, Франц и Мария Терезия вели простую, душевную семейную жизнь, к которой Вольферль и Наннерль успели приобщиться.

Мадам Помпадур. Художник Франсуа-Юбер Друэ. 1763–1764 гг.

Они играли для Помпадур в *«ее покоях, выходящих в сад, похожий на рай»*, на позолоченных клавикордах, покрытых красивыми росписями. На стенах висели ее портрет и портрет

короля, оба в полный рост. Когда она усадила Вольферля за позолоченный столик, собираясь развлечься с занятым человечком, он наклонился к ней, чтобы поцеловать. Она холодно его оттолкнула, после чего он пропищал:

– Кто это, не пожелавшая поцеловать меня? Императрица меня целовала.

Кто же это, в самом деле? Дама с неприятными болезнями, едва ли идеальное лицо, чтобы принимать невинные поцелуи чистенького, умытого мальчугана. Леопольд посчитал ее фигуру чересчур внушительной и описывал ее как крупную и пухлую, с хорошим цветом лица и глазами, слегка напоминавшими глаза императрицы. Его, должно быть, ослепило ее величие, потому что она умерла в следующем году, а тогда уже была больна; бледная, со скверной кожей, с привычкой то и дело кашлять и отплевываться.

В других покоях они играли для королевы и принцесс, которые отступили от всех имевшихся правил (все, что напоминало нормальное поведение, было в Версале под запретом), целуя Вольферля и Наннерль и играя с ними в продуваемых сквозняками коридорах. В праздник Рождества Моцарты посетили заутрени и три мессы в придворной часовне, о чем Леопольд высказал свое мнение, которое впоследствии повлияло на некоторые идеи Вольфганга. *«Я слышал музыку, которая была и хороша, и плоха. Всё, что исполнялось соло, предположительно – арии, прозвучало скучно, холодно и жалко, иными словами – по-французски; хоры, однако, были все неплохи, воистину прекрасны»*. Всё это происходило в разгар «парижской войны» между приверженцами французской и итальянской школ (церковной) музыки. Нет нужды говорить, что Леопольд находил всё самое лучшее в итальянском пении, а всё самое плохое – во французском. Но, видимо, неслучайно было презрение Вольфганга на протяжении всей его жизни к французской музыке и живописи, причем семена этого презрения были посеяны достаточно рано. Французские хоры, однако, были приняты благосклонно даже отцом, и, как обычно, тот позаботился, чтобы Вольферль их послушал, как он всегда и все слушал с ним, если из этого можно было извлечь что-либо полезное для обучения.

Наиболее выдающимися композиторами в Париже были Шоберт (Schobert), клавесинист принца де Конти, и Экард, ученик Филиппа Эммануила Баха. Наннерль исполняла их сочинения «с невероятной чистотой, в столь безупречной манере, что завистливый Экард не смог скрыть свою ревность». Вновь Леопольд как он есть! Он думал, что раскусил ревнивого француза, но Шоберт, глава французской школы, был выходцем из Силезии, а Экард – из Баварии, и он несколько не ревновал. Просто Леопольд взял сторону Гримма, ненавидевшего Шоберта, и он был не прочь поддержать интригу, используя дарование Вольфганга, хотя это сравнение дискредитировало его.

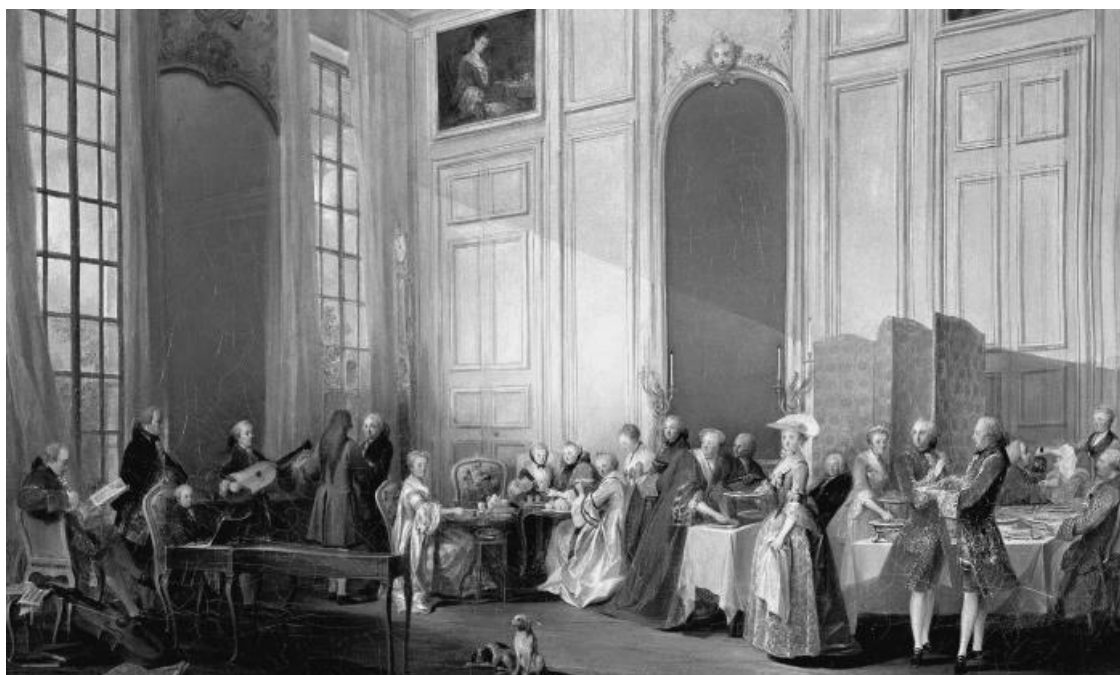
В день празднования наступления Нового 1764 года семья была удостоена права присутствовать при торжественном обеде Людовика с его супругой и детьми. Моцарты, разумеется, не были приглашены к столу, тем не менее во время обеда швейцарский гвардеец пропустил их в королевский обеденный зал, в котором было ужасно сыро и холодно. Им выпала честь подобно лакеям стоять за стульями, пока Бурбоны поглощали свой обед. *«Вольферль стоял за стулом королевы, которая совала ему кусочки со стола и говорила с ним на немецком языке, на котором она разговаривает так же хорошо, как и мы»*. Ей приходилось переводить для короля, которого, надо признать, не особенно заботило, понимает он этот содержательный разговор или нет. Леопольд стоял рядом с Вольферлем и, похоже, подсказывал ребенку некоторые из реплик, а мать и Наннерль стояли по другую сторону от короля, возле дофина и мадам Аделаиды.

Чистая выгода от всех версальских выступлений отражена в записи за 1764 год в «Des Comptes des Menus Plaisirs du Roi» («Счета за королевские меню и развлечения»).

«Г-н Моцарт, сумма в 1200 ливров за исполнение музыкальных пьес его детьми в присутствии королевской семьи».

Другая сумма наличными составляла 80 луидоров, за 320 билетов, проданных Гриммом на первый общедоступный концерт; *«он также снабдил нас восковыми свечами»*. Эти концерты состоялись в небольшом театре в частном доме месье Феликса, по улице Сент-Оноре. Вне Версаля центром фешенебельного мира все еще оставалась улица Фобур Сент-Оноре, неподалеку от Лувра, который перестал быть королевской резиденцией за восемьдесят лет до описываемых событий. В этом квартале Помпадур владела великолепным городским домом. Моцарты проживали в особняке Бове, принадлежавшем баварскому послу, на улице Сент-Антуан, на границе «интеллектуального круга», и успели навестить большинство лучших домов в этой части столицы.

В одном из них Вольферль поразил блестящее собрание, подыгрывая на слух даме, исполнявшей итальянскую каватину. Раньше никогда не слышавший эту вещь, он импровизировал, исполняя всё новые пассажи, всякий раз трансформируя предыдущие. Когда певица закончила арию, он упросил ее спеть еще раз и вновь превосходно исполнил аккомпанемент, играя мелодию и басовую партию. Затем он сыграл всё сначала десять раз, с каждым повторением делая всё новые вариации, и продолжал бы развивать тему, если бы его не остановили. А в особняке Бове, забравшись на стул и болтая ножками, в фартуке, чтобы не испачкать костюм чернилами, Вольфганг записал свои первые произведения, предназначенные для печати и распространения: два цикла сонат для скрипки и фортепиано. Произведения эти – свидетельство несомненного и устойчивого влияния на него пребывания в Париже, их отличают тщательность и утонченность, которые, словно аромат, пропитывали каждую ноту, когда-либо им записанную. Гримм и Леопольд посоветовались, слив всю свою многоопытность воедино, и порешили посвятить первую пару сонат (К. 6 и 7) дочери короля Виктории, а вторую пару (К. 8 и 9) – графине де Тессе, одной из придворных дам дофина. В итоге Гримм написал, обращаясь к Виктории Французской, длинное, неприятно угодливое посвящение, описывавшее беззащитное дитя как «Вашего смиреннейшего, покорнейшего и очень маленького слугу». Виктория неожиданно проявила хороший вкус, отклонив данное излияние и настояв на чем-то попроще. На титульном листе опубликованных сонат начертано по-французски: «Автор: И.Г. Вольфганг Моцарт из Зальцбурга, семи лет от роду». Когда за дело берется Леопольд, ничего чудесного нельзя упустить из виду!

Восьмилетний Моцарт играет в парижском салоне принца Конти.

Художник Мишель-Бартелеми Оливье. 1766 г.

К апрелю они собрали богатый урожай трофеев, насладились вкусом славы и приобрели толпы восхищенных покровителей. *«Все поголовно без ума от моих детей»*. И с упоительными впечатлениями от Парижа (растаявшими в будущем), они десятого числа отправились в Кале, курсом на Лондон. Леопольд заставил детей вести дневники, предпочтительно на языках тех стран, которые они посещали, зная наверняка, что Вольфганг когда-нибудь порадуетя всей той культуре, которую он приобрел. Вооруженный, как обычно, всевозможными рекомендательными письмами, Леопольд поместил семью в Сохо, на Фрит-стрит, в доме мистера Уильямсона, а рекомендательными письмами воспользовался так удачно, что тотчас же получил приглашение играть 27-го числа при дворе.

Сент-Джеймский дворец – еще одно новшество среди виденных ими королевских дворцов. Потерпев поражение в своем желании сделать своей королевой «цветущую красавицу» леди Сару Леннокс, Георг III прислушался к мудрому совету и взял в жены Шарлотту Мекленбург-Стрелицкую. Таким образом, Моцарты в очередной раз оказались посреди привычного немецкого домашнего уюта и порядка, что потребовало от них даже меньших познаний в сфере дворцового этикета, нежели посещения Шёнбрунна. Король Георг и королева Шарлотта отлично ладили, имея общий вкус к простой жизни (позже превратившийся в манию), олицетворяемый таким символом, как забота об умерщвлении плоти придворных, повседневной пищей для которых была вареная говядина с вечным ячменным супом. В их резиденции царил порядок, и здесь, как, впрочем, во всех хороших домах Англии, было намного чище, чем в самых модных и роскошных дворцах Франции. Когда Казанова несколькими годами позже поселился в меблированном доме на Пэлл-Мэлл, он был удивлен, обнаружив, что «на каждом этаже имеются две жилые комнаты спереди и уборная позади (в Лондоне на каждом этаже обязателен этот аксессуар!)». Из чего вовсе не следует, что самой английской из добродетелей – чистоте – предшествует благочестие, ибо за пределами королевского дворца общество ведет себя не намного лучше, чем где бы то ни было ещё, и Лондон отличается веселым нравом и необременительной моралью.

Никого не волновало, развлекаются или нет король с королевой, поскольку все остальные развлекались, и все остальные были гораздо забавнее, как точно заметил однажды Хорас Уолпол⁹. Никогда еще карточная игра не процветала в такой степени, как в эти благословенные дни 1764 года, а хлыщи, ночи напролет сидевшие в клубах «Брукс», «Уайтс» и «Олмакс», с кожаными манжетами поверх рюшей на рукавах и в фермерских шляпах, надвинутых на глаза, были мужьями дам, которые столкнулись с неприятностями в доме знаменитой авантюристки – мадам Корнелис. Эта дама, мать маленькой дочери Казановы – Софи, владела в Сохо громадным залом – Карлайл-хаус, где она устраивала банкеты, балы, что временами повергало ее в ужас перед долговой тюрьмой, куда она однажды уже попадала. Кому-то пришла в голову фантастическая идея устроить концерт детей Моцарта в этом дворце беззакония, но ничего не получилось.

Брат и сестра снова и снова играли для короля и королевы. Георг III, как бы американские школьники ни обзывали его, в то время был человеком добрым, мягким и демократичным. Вольферль глубоко интересовал короля. Тот раскладывал ноты произведений Иоганна Себастьяна Баха, Генделя и Вагензейля на клавире перед мальчиком и слушал, пока тот их исполнял. Вольферль *«также аккомпанировал королеве, певшей арию, и флейтисту, игравшему соло на траверс-флейте. Наконец, он взял на себя басовую партию одной из арий Генделя, случайно лежавшей рядом, и одними только басами изобразил мелодию столь прекрас-*

⁹ Хорас Уолпол (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра готического романа, библиофил и коллекционер. – Примеч. ред.

ную, что она поразила всех. Одним словом, то, каким он был, покидая Зальцбург, – это всего лишь бледная тень того, каким он стал сейчас; он превосходит всё, что только доступно воображению». Уходя, они получили двадцать четыре гиней от королевы. Неделю спустя «мы гуляли в Сент-Джеймском парке, когда мимо проехали король с королевой, и, хотя были иначе одеты, они узнали нас, прежде всего – король. Он распахнул окно кареты, высунул голову и, смеясь, приветствовал, кивая головой и махая руками, нас и прежде всего нашего мастера Вольфганга».

Моцарт играет на клавесине для короля Георга III и королевы Шарлотты во время своего европейского турне 1764 г. Художник Джокомо Мантегаза. 1891 г.

Леопольд устроил благотворительный концерт для себя и семьи, ради которого, к своему ужасу, он вынужден был нанять английский оркестр. Он стонал из-за расходов, но рассчитал всё в соответствии с британским вкусом, позволив, чтобы «Вольфгангерль выступил как британский патриот и по этому случаю исполнил концерт для органа». «Заметьте, – добавляет предусмотрительный отец, – это способ обрести любовь англичан». Еще более предусмотрительным был выбор Леопольдом даты благотворительного концерта: 5 июня, день рождения короля. Публичность хорошо сочеталась с методами отца.

К этому времени Вольферль обрел вкус к оркестровке и готов был показать свое искусство в ней. Когда отец подхватил сильную простуду, малыш воспользовался предписанным молчанием и сел вместе с Наннерлью рядом, чтобы напомнить, что он обычно дает духовым много работы, и еще он начал писать свою Первую симфонию (К. 16). Тогда ему было восемь лет. За ней последовали еще три, вперемешку с многочисленными фортепианными и скрипичными сонатами. Цикл сонат был посвящен королеве Шарлотте и преподнесен ей к четвертой годовщине восхождения короля на престол. Безыскусную галантность подношения королева оценила в пятьдесят гиней. Двадцать четвертого ноября Вольферль, сам с широкого открытыми от волнения глазами, ибо его слушало множество народу, был приглашен на премьеру труппы итальянской оперы, и там он впервые слушал воистину прекрасное пение. Джованни

Манцуоли, прославленный кастрат и любимец лондонской публики, был очарован Моцартом и дал ему несколько уроков вокала, которые необычайно хорошо были им усвоены, как если бы он впитывал знания всей своей кожей.

Еще Вольферль очаровал Иоганна Кристиана Баха, сына великого Себастьяна Баха. Кристиан обосновался в Англии и занимал должность преподавателя музыки у королевы Шарлотты. Сидя за клавиром, он посадил мальчика к себе на колени, и они по очереди, меняясь через каждые несколько тактов, сыграли с листа, как если бы одной парой рук, сонату. Вольфганг был глубоко потрясен, и впредь он никогда не забывал своего «английского» друга.

Джованни Манцуоли. Гравюра XVIII в.

Когда прошла простуда Леопольда, они переехали в пригород Челси, где оставались до тех пор, пока отец не окреп окончательно, а Вольфганг тем временем сочинял. Они возвратились в город, чтобы дать несколько концертов по подписке в захудалой кофейне, куда Леопольд рассчитывал позвать публику при помощи громкой рекламы, провозглашавшей Вольфганга «чудом природы». Леопольду явно не хватало ни здравого смысла, ни гордости, чтобы видеть,

что даже истинный гений вовлечен в дешевую сенсационность. Возникли некоторые сомнения в «чуде природы», и некий ученый джентльмен по имени Дэйнс Баррингтон взял на себя труд списаться с Леопольдом Лампрехтом, нашим зальцбургским другом, который крестил Вольфганга, чтобы уточнить дату рождения согласно записи в церковной книге. Удовлетворившись тем, что в отношении возраста мальчика нет никакой лжи, Баррингтон зашел проведать его по месту проживания в Лондоне и подверг его целому ряду суровых музыкальных тестов, которые Вольфганг, конечно же, щелкал как своего рода новую игру. Сомнения же Баррингтона относительно истинного возраста испытуемого окончательно развеялись только тогда, «когда он играл для меня и тут появился любимый кот, из-за чего Вольфганг покинул клавикулы, и мы на протяжении длительного времени никак не могли уговорить его возобновить игру». Результаты данного расследования были подытожены Баррингтоном в его пространным трактате, которым он напечатал в «Философских трудах Королевского общества».

Казалось, Леопольд планировал остаться в Англии еще на неопределенный срок, ибо они уже пробыли здесь больше года, тогда как в Зальцбурге по возвращении их ждали неприятности, ставшие ещё тягостнее, когда он открыл, что Англию отличает глупость и неблагодарность, а вдобавок она безбожна. *«Что следует из того, если говорить об этом деле более подробно? ... Я намерен не пускать моих детей в столь опасное место, как Лондон, где жители в большинстве своем не имеют религии и являются собой не что иное, как наглядный пример дурного. Вы были бы поражены, узнав, как здесь воспитывают детей, не говоря уже о религии».* Мог ли Леопольд «быть поражен» – после Парижа, где улицы полны увечных нищих, аристократических ублюдков, брошенных в младенчестве? Перед тем как покинуть Лондон, отец предьявил в Британском музее гимн, сочиненный Вольфгангом, «Бог – наше спасение», и получил в знак признательности официальное письмо.

«Сэр! Мне поручено Постоянным комитетом Совета попечителей Британского музея засвидетельствовать Вам, что члены Совета получили подарок – музыкальные сочинения Вашего весьма выдающегося сына, которые Вы недавно любезно им передали. Мне велено поблагодарить Вас за это.

*Британский музей М. Мэли,
19 июля 1765 г. секретарь*

Получив вслед за этим некоторую денежную сумму, укрепив репутацию и ослабив здоровье, они в сентябре 1765 года отчалили в Гаагу.

Серьезных причин затягивать долгое путешествие не было. Леопольд прекрасно понимал, что его положение при архиепископе с каждым днем становилось всё более зыбким, но он никак не мог решиться ехать прямо домой, в неволю и забвение. Поэтому Леопольд подыскивал какой-нибудь более или менее законный предлог для откладывания возвращения. Голландский посол в Лондоне убедил его посетить принца Оранского. Леопольд не принял это предложение всерьез, но в день отъезда из Лондона посол *«стал вновь нас убеждать отправиться в Гаагу, поскольку принцесса Вайльбург, сестра принца Оранского, испытывала сильное желание увидеть этого ребенка. Я тем более согласился с большой готовностью, ибо ни в чем нельзя отказать даме в ее деликатном положении».* Причина достаточно уважительная, и Леопольд позаботился о том, чтобы Сигизмунду она стала известна, – ради восьмимесячного пребывания в обществе принцессы, чье положение должно быть в самом деле облегчено, прежде чем они уедут.

Тем не менее их пребывание в Голландии серьезно затянулось, так как дети заболели. Сначала Наннерль свалилась с инфекционной лихорадкой, настолько сильной, что девочка была совсем плоха и лежала несколько дней в бреду. В моменты просветления отец наставлял ее относительно блага смерти и зла жизни. А когда девочке стало лучше и она обрела надежду

на долгую, хотя и полную зла жизнь, настал черед Вольферля, и он слег с сильным жаром в постель. То была вторая его серьезная болезнь, и оба кризиса могут быть объяснены чрезмерной перенапряжением в сочетании с крайним невежеством обоих родителей в важнейших принципах гигиены.

Жизнь, полная такого перенапряжения и избыточного волнения, способна привести к печальному концу любого ребенка. Век, когда о разумном отношении к питанию и физическим упражнениям не слыхали и когда единственной надеждой вырастить детей без постоянных тяжелых заболеваний было дать им свободу расти на свежем воздухе, подобно зверькам. Когда в свете современных знаний мы оглядываемся на разнообразие витаминов, которые тогда не были известны, может показаться даже странным, что Вольфганг не болел рахитом. Настолько невежественным был Леопольд касательно необходимости умственного и телесного отдыха для своих детей, хотя бы для того, чтобы сберечь их силы, что он начал раздражаться из-за необходимости проделать долгий путь в Зальцбург. Он переживал, что дома для них не найдется достаточно занятий! *«Каждое мгновение, которое я упускаю, потеряно навеки, и, если прежде я сознавал, сколь ценно время в юности, сейчас я уверен в этом еще больше. Вы знаете, что мои дети привычны к работе, стоит им научиться находить оправдания, ... все мое здание рухнет. Привычка – это дорога из железа».*

Ранней весной они вновь отправились в путь. Но не домой в Зальцбург, нет; они вновь поехали в Париж. Леопольд не смог устоять перед искушением вернуться в столицу Франции и собрать всё золото и внимание публики, которые скопились за время их отсутствия.

Но на этот раз их пребывание оказалось коротким. Они были приняты с обычным одобрением, с удовольствием посетили своих прежних знакомых, особенно Гримма, чья сердечность была через край. Гриммом на тот момент завладела любовница, мадам д'Эпине, чьи мемуары так хорошо вписывались в картину современности. Мадам была добрым другом Вольтера, на тот момент находившегося в длительном изгнании в Женеве, и когда Леопольд высказал ей свое желание о возвращении домой через Швейцарию, она написала Вольтеру и предупредила, чтобы тот был готов к приезду чудо-детей. Но когда в сентябре они добрались до Женевы, Вольтер никого не принимал. Он позднее объяснился с мадам д'Эпине: *«Ваш маленький Мазар (sic) выбрал, полагаю, неудачное время, чтобы привнести гармонию в храм Разлада. Вы знаете, что я живу в двух лье от Женевы и никуда не выхожу. Я был сильно болен, когда этот феномен сверкнул на темном горизонте Женевы. И вот теперь он уехал, не повидавшись, к сожалению, со мной».* Вольфганг не сознавал, что он потерял, а когда ему разъяснили 12 лет спустя, то несколько не огорчился, как мы еще увидим.

Леопольд страшно нервничал по поводу возвращения домой, возможно, опасаясь, что он уже потерял свою должность у архиепископа. Всю долгую дорогу через Германию Леопольд переживал об этом и еще о своем финансовом положении, которое было несколько не лучше, чем прежде. Он потратил, на себя, целое состояние, поддерживая соответствующий respectable вид. Для этого он приобретал роскошную одежду, останавливался в лучших гостиницах, нанимал приличных слуг, печатал афиши, фактически оплачивал концерты, арендуя залы, а иногда, как в Англии, нанимал оркестры. Но ужасный день был уже близок, и в декабре они, наконец, перевалили через горы и въехали в Зальцбург, спустя три с половиной года после того, как его покинули. Единственной из Моцартов, кто радовался возвращению домой, была мамаша.

Дети настолько привыкли кочевать, что дом для них означал только кота, пса и канарейку, которых они вновь увидели с великой радостью. Но Леопольд, разрываемый между необходимостью занимать постоянную должность и желанием швырнуть славу своих детей в лицо работодателю, надел глухой серой сюртук и отправился в резиденцию с отчетом. Там он обнаружил, что не уволен, но выплата его жалованья за все эти годы была приостановлена, деньги эти были уже потеряны. Единственно, он мог рассчитывать на часы, которые фактиче-

ски проведет на службе у Сигизмунда Зальцбургского, исполняя свои прямые обязанности. Отец вернулся к себе на Гетрайдегасе и принялся обдумывать следующий виток сыновней карьеры.

IV 1769–1771

Неаполь, 19 мая 1770 г.

«С.С.М., [Дорогая моя сестра! – ит.]

Пиши мне, пожалуйста, чаще, в каждый почтовый день. Благодарю тебя за то, что прислала мне книги по арифметике, и прошу, если ты желаешь мне головную боль, пришли еще немного этих примеров. Двенадцатый менуэт Гайдна, который ты прислала, нравится мне очень сильно; ты замечательно подобрала басы и без малейшей ошибки. Прошу тебя, делай подобные опыты чаще...

Прошу тебя, дай мне знать, как там поживает г-н Кенар. Он еще поет? Он еще свистит? Знаешь ли ты, что навело меня на мысль о канарейке? Здесь есть одна такая птица в соседней комнате, что издаёт те же звуки, что и наша птичка... Мы вчера надели новую одежду, и мы были прекрасны, словно ангелы! Мы видели короля и королеву на мессе в королевской часовне в Портичи и мы также видели Везувий. Неаполь красив, но он перенаселен, в точности как Лондон и Париж. Сравнивая наглость жителей Лондона и Неаполя, я собственно теряюсь, превосходит ли в этом Неаполь Лондон; здесь население, лаццарони, имеют своего возжакса, который получает от короля каждый месяц 25 дукатов серебром просто за то, что держит их в узде».

Вольфганг не просто в Неаполе, он – в разгар сезона – задавал здесь жару. Ему теперь четырнадцать. Детская округлость щек сменилась более резкими линиями возмужалого лица; нос стал длиннее, над чем он позже будет смеиваться, глаза сделались более выпуклыми и менее блестящими. Ямка на твердом подбородке смягчилась, образовав характерную провисшую складку. Он вдруг резко вытянулся. *«Всё ему слишком мало, руки и ноги стали длиннее и крупнее. Певческий голос пропал. Исчез совсем, нет ни верхних нот, ни нижних, нет пяти чистых тонов. Его это сильно беспокоит, поскольку он не может напеть собственные сочинения, как бы ему этого ни хотелось».* Правда, он мог их сыграть, что и делал. Он был любимчиком изысканного кружка и появлялся почти ежедневно в доме сэра Уильяма Гамильтона, английского посла, супруга которого (первая леди Гамильтон, а не любовница Нельсона), была замечательно хорошей аккомпаниаторшей на клавесине, *«хотя и трепетала перед Вольфгангом».* Гамильтоны так же хорошо относились к нему, как некогда их компатриоты в Лондоне, что в его глазах добавляло симпатии ко всем англичанам. Новая одежда, которой так гордится Вольфганг, – это яблочно-зеленый сюртук с отделкой розового цвета и серебряными пуговицами, с которым он носил красивые шелковые чулки, атласное белье, изумительные кружевные рюши и хорошо сидевший на нем белый парик.

Моцарт. Портрет 1770 г.

Улыбающийся розовощекий мальчик являл собой очаровательную картинку в богато украшенной гостиной Гамильтона. Позади него стоял Леопольд в новом сюртуке из муарового шелка темно-бордового цвета с небесно-голубой отделкой. После утреннего концерта они обычно выходили подышать воздухом на Страда-Нуова, следуя обычаю знати прогуливаться и делать визиты влиятельным людям. Иногда заглядывали в кофейни – купить мороженое, которого Вольфганг раньше никогда не пробовал. Он очень его любил, как и чудесные фрукты, шоколад, все эти новые для него лакомства.

Прошло уже пять месяцев, как они с отцом покинули Зальцбург в декабре. Леопольд годами вынашивал план этой итальянской поездки и вот наконец выбрался, получив согласие недовольного Сигизмунда. Начисление жалования было приостановлено с момента отъезда,

но он ничуть об этом не жалел. Леопольд изо всех сил стремился насладиться Италией, хотя еще не прошло и нескольких недель, как он высказался:

«Я убежден, что в Италии мы не заработаем больших денег. Единственное, что успокаивает меня, это то, что нас будут встречать с изрядным интересом и пониманием и что в Италии признают талант Вольфганга. Что до остального, то мы должны быть рады выражениям восторга и аплодисментам вместо платы, хотя я должен вам сказать, что нас повсюду принимают с немислимым радушием и представляют лицам из высшей знати при каждом удобном случае». Всё это жизненно важно для душевного спокойствия отца. Вольфганг нацарапал постскриптум для Наннерли: «Аудио, дитя моё, прощай! Целую мамину руку тысячу раз и запечатлеваю сто поцелуев и лобзаний на твоём восхитительном лошадином личике!»

В Италию Леопольда привела не только жажда славы, но нечто большее. В то время эта страна была центром музыкального мира, и никто не мог рассчитывать на признание в музыкальном мире, не пройдя обучение в одном из великих итальянских городов. Рим и Болонья первенствовали в церковной музыке, а Неаполь был неоспоримой столицей оперы. Не только великие композиторы приезжали туда писать заказанные им оперы – сами постановки были неопишимо роскошны. В театре Сан-Карло в балете «Поражение Дария» Паизиелло участвовали 400 актеров и 80 лошадей. И, конечно, каждый великий певец мира был либо рожден неаполитанцем, либо учился в Неаполе. Или, на худой конец, заработал себе признание в этом городе. Априле, Фаринелли, Морелли, Маркези – вот несколько великих имен среди певцов-мужчин, но были еще и множество женщин-певиц им под стать. Певцы, проходившие обучение, мечтающие блистать на самом высоком музыкальном небосклоне, съезжались со всей Европы, ради учёбы у Фенароли в знаменитой консерватории. Леопольд позаботился о том, чтобы Вольфганг серьезно познакомился со всеми разновидностями итальянской музыки. За это его можно только благодарить. Твердое знание Вольфгангом основ итальянской музыкальной культуры позволило ему создавать оперы в итальянском стиле и впоследствии открыть новую эру в музыкальной драме путем сочетания итальянской техники и традиций немецкого *зингшпиля*¹⁰. Таким образом, важность итальянской поездки для музыкального развития Вольфганга нельзя переоценить. Он познакомился со всеми музыкальными жанрами и формами, в которых преуспела эта страна, в особенности с оперой, а также духовной музыкой во всех ее проявлениях, изучил все возможности пения. В свою очередь, он поразил и порадовал итальянцев своим искусством игры на клавесине и вполне зрелым владением композицией.

---

¹⁰ Зингшпиль (*нем.*) – музыкально-драматический жанр, распространённый в Германии и Австрии во второй половине XVIII века и начале XIX века; пьеса с музыкальными номерами или опера с разговорными диалогами (вместо речитативов), преимущественно комического содержания. – *Примеч. ред.*

Неаполь. Театр Сан Карло. Гравюра 1830 х гг.

Вернувшись домой из трехлетнего тура по Германии, Франции, Англии и Голландии, отец настроил Вольфганга на серьезные занятия контрапунктом. В качестве образцов для подражания он предложил Филиппа Эммануила Баха, Генделя, Хассе и Эберлина, причем последний был зальцбургским композитором, весьма средних способностей. Вряд можно было выбрать лучших наставников, когда еще не было доступа к произведениям великого Иоганна Себастьяна Баха, которые тогда лежали на полках лейпцигской Томашуле (школы Святого Фомы). Только спустя много лет Вольфганг познакомился с произведениями Баха, и это событие его неожиданно ошеломит своей мощью. Тем не менее от 11 до 13 лет он потратил 2 года на усердные и плодотворные занятия.

Но спустя год его отца постиг очередной необоримый приступ честолюбия, вследствие чего он решил, что Вольфгангу пора подумать о своей первой опере. С учетом этого вся семья осенью 1767 года выехала в Вену. Вот-вот должны были начаться празднования в честь бракосочетания дочери Марии Терезии – Марии Йозефы – с неаполитанским королем. Но не успели они устроиться в съемной квартире у Высокого моста (Hohe Brücke), как разразилась эпидемия оспы, которая вскоре распространилась по всей столице. Болезнь унесла невесту одной из первых, но ее властолюбивая мать тут же выдала за обездоленного жениха свою следующую по счету дочь, Марию Каролину. Однако Вольфганг и Наннерль не принимали участия в празднествах, потому что они оба заразились оспой и сильно страдали. Вольфганг в течение нескольких недель не мог видеть; после выздоровления у него остались нарушения зрения, но обошлось без отметин на лице. Когда дети вновь появились при дворе, Мария Терезия приняла их вместе с их матерью очень радушно и отнеслась к ним с истинно материнской заботой, несмотря на собственную утрату. Она к тому времени овдовела, а сын Иосиф стал её соправителем и императором Священной Римской империи. То было его повторное знакомство с Вольфгангом. Им еще предстояло много раз встретиться в будущем, тем не менее, хотя

Иосиф любил музыку, он так и не придал значения своему хорошему пожизненному знакомству с одним из ярчайших музыкальных светил. Иосиф тогда еще не подчинил себе всё венское искусство – это ещё было впереди, а Венская опера еще не существовала. Вместо неё был некий итальянский импресарио по фамилии Аффлиджио, который возглавлял Венский оперный театр и был вовлечен во все профессиональные интриги с композиторами, жившими в городе. Любые формы соперничества были в порядке вещей, и, когда двенадцатилетний мальчик внезапно появился на сцене, гений столь великий, что он мог без колебаний решать самые сложные задачи, всё музыкальное сообщество поднялось, как один, чтобы учинить над ним расправу.

Леопольд не сомневался, что Вольфгангу следует писать оперу. Он нажал на все доступные ему рычаги и наконец пришел к договоренности, согласно которой юноша должен был сочинить партитуру к опере «La Finta Semplice» (К. 51) – «Мнимая простушка». Леопольд заручился поддержкой молодого императора, который в буквальном смысле повелел Аффлиджио заказать оперу. Но, когда она была завершена, тот подстроил целый ряд непонятных проволочек, препятствуя ее сценическому воплощению. Леопольд пылко и яростно изливал свою досаду в длинных письмах домой, в Зальцбург. В них он обнаруживал свои истинные, причем крайне поверхностные чувства по поводу таланта сына. *«Кромеиный ад музыки поднялся на дыбы, чтобы воспрепятствовать признанию таланта ребенка»*. Он продолжал протестовать против несправедливой судьбы, что, по-видимому, полностью совпадала вот с этим: *«Мне стоило бы, пожалуйста, отправиться в Зальцбург, вздыхая о более благоприятной участи, пока Вольфганг не стал взрослым, и не видеть, как меня и моих детей водят за нос до тех пор, пока я не стану стариком и не смогу отправиться в поездку, а Вольфганг не достиг того возраста и возмужалости, которые преуменьшат всю чудесность его представлений»*. Достаточно видеть эти слова, написанные черным по белому, чтобы убедиться: Леопольд мог бы вполне быть хорошим музыкантом, он меньше всего был отцом-идеалистом, как его иногда описывают. Он был расчетливым конъюнктурщиком, если таковые тогда водились.

«Мнимая простушка» не была вдохновенным произведением – мальчик еще мало что знал и умел, чтобы написать нечто значительное. Леопольд не поверил, что это так, а поскольку тактика Аффлиджио была увертливой и бесчестной, в его нежелании идти на такие расходы ради постановки была своя справедливость. Но музыкальный сброд был откровенно и беспощадно настроен любой ценой, пусть даже самой непотребной, дискредитировать юного автора. В итоге оперу не поставили, а Леопольд нашел в лице Иосифа слушателя, которому можно было выложить свою неистовую жалобу. В конечном счете стороны поладили, и в «Простушке» были найдены кое-какие достоинства, позволившие императору приказать Аффлиджио уплатить Леопольду сто дукатов в качестве компенсации. На чем дело и закончилось. Но доктор Антон Месмер, знаменитый врач и гипнотизер, прослышав о несчастьях Вольфганга, нашел для него утешение и заказал ему своеобразную оперу-миниатюру «Бастьен и Бастьенна» (К. 50), которая была скоро написана и в частном порядке исполнена в доме Месмера. В музыкальном отношении она была намного лучше «Простушки». Естественно, Вольфганг еще понятия не имел, как сочинять настоящую оперу. Подлинное значение этого венского инцидента заключается в том, что он стал предзнаменованием дальнейшей жизни Вольфганга с надрывной борьбой против интриг иностранных музыкантов, которые пользовались всеми благами и успехом, там, где царить должен был он один.

По возвращении в Зальцбург Вольфганг получил при архиепископе Сигизмунде незначительную должность, определявшуюся пустым званием капельмейстера. Это не значило почти ничего, за исключением того, что его будут вызывать время от времени для написания церковной музыки, к которой он «привык с самой ранней юности».

В свите епископа место Вольфганга во время важных церемоний было несколько ниже, чем у домашних слуг и лакеев. До самого отъезда в Италию с Леопольдом в декабре 1769 года

его сочинения включали главным образом Missa Breve¹¹ для исполнения в соборе, и сюиты, дивертисменты и кассации¹² для струнных ансамблей, то есть «музыку к случаю», исполнявшуюся на приемах и обедах архиепископа. Было еще несколько арий и других вокальных произведений, но все они юношеского уровня, который неизмеримо вырос, когда автор получил возможность по-настоящему изучить итальянскую песню. Вольфганг сделал, конечно, феноменально большой шаг к подлинному искусству серьезных композиций. Гениальный мелодист, он черпал вдохновение из своей прирожденной жизнерадостности. Его великолепное музыкальное мышление также являло собой природный дар. Замечательная способность к музыкальным характеристикам в вокальном жанре проявилась у него несколько позже, когда он занял присущее ему место в музыкальном мире.

Итальянский тур был тщательно спланирован. Моцарты проехали привычным путем на юг из Зальцбурга в Милан, затем еще южнее по полуострову, останавливаясь в каждом важном городе, причем продолжительность пребывания в каждом из них варьировалась. В Милане они побыли довольно долго, чтобы завести сердечную дружбу с графом Фирмианом, важным местным вельможей, который подтвердил свой интерес к Вольфгангу, заказав ему оперу к Рождественским праздникам следующего сезона. Затем навестили Мантую и Парму, где Вольфганг слушал всемирно известное итальянское пение в его наивысшем выражении, вначале в мантуанской опере, а затем в доме скандально известной Бастарделлы (намек на внебрачное происхождение) в Парме. То была знаменитая Лукреция Агуяри, которая исполняла невероятно высокие ноты с совершенной легкостью и чистотой. *«Я не предполагал, что возможно спеть самое верхнее “до”, если бы не слышал собственными ушами... Она не так хороша, но и не дурна, но временами в ее глазах есть что-то дикое, как у людей, подверженных припадкам; при этом она хромотает на одну ногу. Ее поведение формально было хорошим, вследствие чего у нее доброе имя и репутация»*. Так пишет отец, надменный, как всегда; Вольфганг же взял перо и добавил ноты и пассажи, которые на самом деле спела Бастарделла. Они почти невероятны.

Рим был заветной мечтой Леопольда, и он настойчиво желал прибыть туда на Святой неделе. Вольфганг уверял Наннерль, что этот город ей бы, *«без сомнения, очень понравился, и церковь Святого Петра – она regolare (строгая), и многие другие вещи в Риме regolare, тоже! ...Я только что нарисовал Святого Петра с ключами, Святого Павла – с мечом, вместе со Святым Лукой, моей сестрой и проч.; и я имел честь поцеловать палец на ноге Святого Петра, но, поскольку я имею несчастье быть таким маленьким, кому-то пришлось поднять нижеподписавшегося старого негодяя,*

Вольфганг Моцарт».

Ватикан – никак не меньше – был целью Леопольда, туда они и отправились.

«Наше красивое платье, немецкий язык и свобода, с которой я пожелал, чтобы мой слуга попросил швейцарского гвардейца дать нам пройти, скоро помогли нам двигаться без затруднений. Кто-то принял Вольфганга за немецкого дворянина, кто-то – за принца, и слуга не смог их разубедить. Меня принимали за его наставника. Таким образом, мы пришли к столу кардиналов. Там получилось так, что Вольфганг разместился между стульями двух кардиналов, один из которых, кардинал Паллавичини, кивнул ему и сказал: “Не скажешь ли ты мне откровенно, кто ты есть?” На что Вольфганг ответил: “А вы разве не кардинал Паллавичини?” Кардинал сказал: “Да, а почему ты спрашиваешь?” Вольфганг тогда сказал, что “у нас есть письма к Его преосвященству, и мы хотели бы служить ему”. Услышав эти слова, кардинал выразил величайшее удовольствие, похвалил Вольфганга за его итальянский и доба-

¹¹ Missa Breve (лат.) – короткая месса. – Примеч. ред.

¹² Кассация – ансамблевое инструментальное многочастное музыкальное произведение развлекательного характера, пользовавшееся популярностью в XVIII веке. – Примеч. ред.

вил: *“Ich kan auck ein benig deutsch sprekken”¹³*. Перед нашим уходом Вольфганг поцеловал ему руку, и кардинал, сняв с головы свою шапку, сделал ему очень любезный комплимент.

Вы знаете, что знаменитое *Miserere* в этом месте ценится столь высоко, что музыкантам капеллы запрещено, под страхом отлучения от церкви, выносить наружу любую его часть, копировать самим или с участием другого человека. Тем не менее у нас оно уже есть... Сейчас мы не доверим эту тайну посторонним рукам; *ut non incurramus mediate vel immediate in censuram ecclesiae*»¹⁴.

Тайна, которую нельзя было доверять, – это результат одного из присущих Моцарту деяний. Больше всего они желали заполучить *Miserere* Аллегри, которое исполнялось в Сикстинской капелле всю Святую неделю. Сочинение считалось настолько священным, что певцам было запрещено выносить ноты своих партий из капеллы под страхом отлучения от церкви. Вольфганг и Леопольд пошли в субботу после полудня, где, вместо того чтобы разглядывать потолок с росписью Микеланджело, Вольфганг сел и, глубоко сосредоточившись, запечатлел в своей памяти каждую ноту. После они поспешили обратно к себе. Вольфганг схватил бумагу и перо, взобрался на стул и записал весь нотный текст. Кое-что он все-таки пропустил: это ноты двухголосного хора, традиционные формы старинного церковного стиля и те места, где отсутствовал осязаемый ритм. В Страстную пятницу Вольфганг, спрятав ноты в шляпе, вновь пошел в капеллу, где украдкой сделал в партитуре необходимые исправления. Конечно, история стала известна, но, вместо отлучения, Вольфганга заставили принести рукопись на большой сбор, где Кристофори, один из певчих Сикстинской капеллы, подтвердил достоверность записи.

Перед отъездом из Италии Вольфганг получил от папы орден Золотой шпоры вместе с золотой медалью и званием *Signor Cavaliere*¹⁵. Глюк тоже получил эти регалии и цеплялся за титул Рыцаря всю свою жизнь, а Вольфганг забыл о них почти молниеносно и называл себя «кавалером» лишь только тогда, когда хотел поддразнить Наннерль и произвести на нее впечатление своей важностью. Леопольд, разумеется, использовал титул при каждом удобном случае. Гораздо большая честь ждала Вольфганга в Болонье, где его сделали членом Филармонической академии, подвергнув прежде обязательному и достаточно жесткому вступительному испытанию.

«Девятого октября, в четыре часа пополудни, ему надлежало прийти в холл академии. Там Принцесс академии и двое цензоров (все единовременные капельмейстеры) вручили ему, в присутствии всех членов академии, антифон из антифонария, который ему надлежало поделить на четыре части в соседней комнате, куда его проводил педель, заперший за ним дверь. Когда он закончил эту часть работы, она была тщательно проверена цензорами и всеми капельмейстерами и композиторами, которые затем голосовали черными и белыми шарами. Все шары оказались белыми, и его позвали, причем его появление сопровождалось рукоплесканиями и поздравлениями, а принцесс прежде объявил ему, от имени Общества, о его избрании. Он в ответ поблагодарил присутствующих, после чего заседание было закрыто. Тем временем мы с г-ном Prinsechi были заперты на ключ в комнате на противоположной стороне зала библиотеки академии. Все были поражены, с какой скоростью он выполнил задание, поскольку многие тратили не менее трех часов на антифон из трех строк. Вы должны, однако, знать, что это совсем не просто, поскольку множество вещей не дозволены в этом виде композиции, о чем его предупредили заранее. Он справился с этим чуть более чем за полчаса».

Также в Болонье Вольфганг попал под влияние одного из самых бесценных итальянских авторитетных персон – падре Мартини, великого теоретика, учителя и композитора. Он тща-

¹³ «Я могу говорить на хорошем немецком». Эта фраза намеренно приводится искаженно. Леопольд подчеркивает, вероятно, итальянский акцент. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Чтобы мы косвенно или непосредственно не подверглись цензуре церкви (*лат.*). – *Примеч. ред.*

¹⁵ Орден Золотой шпоры – папский рыцарский орден, состоит из одной степени. Моцарт стал самым молодым кавалером его. – *Примеч. ред.*

тельно проэкзаменовал Вольфганга и «говорил с ним с изумлением», но он также признал, что у Вольфганга еще оставалось много пробелов, требовавших дальнейшего развития. Падре преподавал Моцарту несколько уроков и выказал к нему такой искренний интерес, что Леопольд предался мечтам о новом могущественном союзнике в борьбе за счастливое будущее мальчика. Однако на этом Мартини остановился, вероятно полагая, что на первое время и того довольно. Он был сочувствующей стороной, но никак не влиятельным меценатом.

Падре Мартини (Джованни Баттиста Мартини).
Гравюра 1776 г.

Длинная череда почестей и серьезных забот ни на йоту не изменила веселый, ребячливый характер Вольфганга. Его письма были полны чепухи и мальчишеских кривляний. Он рисовал на полях картинки, придумывал непроизносимые имена для людей, которых описывал,

посылал нежные и любящие письма своему псу, канарейке и служанке. Он описывал события в самых возмутительных выражениях, какие только приходили в голову, и рассказывал Наннерли истории, какие могли возникнуть только в голове юного зальцбургца.

«Дорогая моя сестра!

Везувий сегодня неистово дымится. <..> Я теперь начинаю писать рассказ о моей жизни. Я просыпаюсь в девять часов, иногда в десять, после чего мы выходим из дома, потом обедаем в трактире, а после обеда мы пишем, а потом совершаем прогулку, а после нее мы ужинаем. В скоромный день едим курицу или кусочек жареного мяса, в постный день – немного рыбы; а затем мы ложимся спать. <..> Я надеюсь, ты тоже чувствуешь себя хорошо, так же как и мама. Неаполь и Рим – два сонных города. А scheni Schrift! Net wor? Пиши мне и не будь такой ленивой... Король – неаполитанец с грубыми манерами, он всегда встает на скамейку в опере, чтобы казаться немного выше королевы. Королева прекрасна и любезна, ибо она меня приветствовала на Моло (это такое пышное торжество) по крайней мере шесть раз в самой дружеской манере.

P.S. Я целую мамину руку!»

Но гораздо более примечательными представляется его действительно существенная и умная критика вместе с анализом музыки, которую слышал повсюду. Так начиналась свобода суждений Вольфганга, которая снискала ему бесчисленных врагов в рядах музыкантов, менее одаренных, чем он. Вся жизнь у него был свой особенный способ обобщить все достоинства или весь вздор в музыкальном произведении или его сочинителя, и он мог отмахнуться от целого произведения замечаниями вроде *«опера здесь прекрасна, но слишком сдержанна и старомодна для театра... Танцы убийственно помпезны. Театр красив»*. Или, по другому поводу: *«Примадонна поет хорошо, но не громко... она не может открыть рот, а только что-то там поет. У второй героини выправка гренадера... Первый герой поет хорошо, но голос неровный... Второй герой стареет, и мне он не нравится. Прима-балерина хороша, и она, как здесь говорят, не огородное пугало. ...Остальные как все»*.

Когда Моцарты провели в Италии чуть меньше года, у Вольфганга появилась первая возможность показать, что ему дало изучение *бельканто*. Заказ графа Фирмиана для Миланской оперы не был забыт, и поэтому с середины лета до наступления осени Вольфганг писал речитативы и отсылал их в Милан директору. Восемнадцатого октября 1770 года он вместе с отцом прибыл туда и приступил к написанию финальной части работы. Опера называлась *«Митридат, царь Понтийский»* (К. 87). Хотя она выглядит юношески незрелой по сравнению с более поздними работами Вольфганга, тогда она не казалась таковой, в отличие от произведений местных композиторов. По праву её можно назвать его первой оперой, и это, безусловно, первое произведение, написанное с реальным владением оперной техникой, и первое, которое заслуживало полноценной постановки на сцене. Либретто написано поэтом Витторио Амаде Чинья-Сантти из Турина, а классическая история, о которой оно повествует, была настолько печальна, что это повлияло на настроение Вольфганга. К тому же, писал он, *«моя дорогая Мама, я не могу сочинять много, ибо от написания многочисленных речитативов мои пальцы очень болят. Прошу Маму молиться, чтобы моя опера прошла хорошо и чтобы после этого мы могли бы счастливо воссоединиться!»*

Не всё, однако, прошло гладко. Вольфганг, казалось, не встречал трудностей в сочинительстве, но поднялось местное музыкальное сообщество, готовое освистать оперу и юного автора. Здесь, в Милане, он впервые столкнулся с завистью к своему таланту и ненавистью ко всему немецкому. Итальянцы отказывались верить, что немецкий юноша мог создать итальянскую оперу, а что он мог написать для немцев, не имело значения.

Либретто оперы Моцарта «Митридат, царь Понтийский».
Милан. 1770 г.

Певцы пошли на сговор с другими итальянскими интриганами и попытались втянуть в саботаж великое сопрано – Бернаскони, уговорив ее петь арии других композиторов, а не Моцарта. Она в результате отказалась это делать. Но, как только начались сценические репетиции, с оркестром из 60 инструментов, интриги и недоброжелательства *«разом умолкли ... они не могли сказать ни слова. Переписчик нот несказанно рад – хороший знак в Италии, поскольку, если музыка пользуется успехом, переписчик часто зарабатывает больше денег на распространении и продаже арий, чем капельмейстер получает за их сочинение»*. Премьера состоялась 26 декабря. Суждение графа Фирмиана подтвердилось: *«Вы можете представить себе маэстро дона Амадео за клавиром в оркестре, собственноручно аккомпанирующим речитативам, а меня – в ложе в качестве зрителя и слушателя»*. Зритель и слушатель был несказанно обрадован энтузиазмом публики, внезапными взрывами аплодисментов и криками всех присутствующих: *«Evviva il maestro! Evviva il maestrino!»*

После была поездка домой в Зальцбург, однако затем срочно вернулись в Милан через 5 месяцев, поскольку граф Фирмиан прислал от Марии Терезии распоряжение сочинить Театральную серенаду к приближающимся свадебным празднованиям следующего из ее многочисленных потомков – эрцгерцога Фердинанда. Пьеса называлась «Асканио в Альбе» (К. 111), и Моцарт написал ее в помещении, столь плотно заселенном музыкантами, что скрипачи были и над ним, и под ним, певец – с одной стороны, гобоист – с другой. *«Это самое важное для сочинения музыки; это приносит новые идеи»* – такова была его невозмутимая реакция на подобную тесноту и шум.

То, что поэт затягивал подготовку либретто, оказалось очень кстати: это давало Вольфгангу возможность закончить партитуру за 12 дней, что он и сделал, правда, вновь с жалобами на боль в пальцах. К постановке были привлечены несколько замечательных певцов: Катерина Габриелли и Манцуоли, старый лондонский друг Вольфганга, которого он был рад снова увидеть. В кои-то веки прекратились интриги завистников.

Хассе, который годами занимал в итальянской опере господствующее положение, находился в Милане с великим поэтом Метастазियो, и он открыто провозгласил Вольфганга равным себе. Добавив: *«Этот юноша отодвинет всех нас в тень»*. Позже он писал своему венецианскому другу: *«Юный Моцарт – безусловное чудо для своего возраста, и я уже чрезвычайно к нему привязан. Отец, насколько я понимаю, постоянно недоволен всем тем, на что я сам здесь жалуясь. Он чересчур обожает своего сына и делает всё, чтобы его испортить, но я такого высокого мнения о врожденной доброте молодого человека, что надеюсь: он, невзирая на происки своего отца, не позволит себе испортиться и вырастет благородным человеком»*.

V 1771–1777

За эти последние шесть лет Зальцбург приобрёл новое качество – стал домом Вольфганга и заслужил его вечную ненависть. С 1771 по 1777 год вся семья держалась вместе на Гетрайдегассе, если не считать двух коротких путешествий в Мюнхен и Милан, которые отец совершил вместе с сыном, когда бывали заказы на оперы. Отец все еще числился вице-капельмейстером при дворе; должность Вольфганга была поменьше, а Наннерль, помогая матери по дому, давала несколько уроков на стороне. Приобрели пса – Бимперля, которого любили больше всех его предшественников. Семья участвовала в жизни своей общины, и распорядок дня у детей более или менее нормализовался.

Существовавшее распределение по социальным уровням было достаточно жестким. Архиепископ и несколько очень важных вельмож держались отчужденно. Несколько ниже находилась группа господ меньшего ранга, в их числе были, однако, и те, кто имел связи при дворе. Именно к ним Моцарты иногда обращались, но их истинные друзья принадлежали к более низкой ступени зальцбургского общества. То были добрые, состоятельные горожане, такие, как Лоренц Хагенауэр, владелец дома, и семья Хаффнера, того самого, кому Вольфганг по случаю его личного праздника посвятил чудесную «Хаффнеровскую» симфонию (К. 385) и не менее красивую серенаду (К. 250) – обе в ре мажор. Ниже этого моцартианского социального уровня располагался уже типичный низший общественный класс XVIII века, бедный и необразованный, интересовавшийся только ценами на соль и стоимостью колбасы. О городе и его нравах емко замечено, что *«сельские господа охотятся и ходят в церковь; те, что ниже их, ходят в церковь и охотятся; следующие за ними на более низком уровне едят, пьют и молятся; а самые низшие – молятся, пьют и едят. Два последних класса ведут свои любовные дела на публике, два предыдущих – приватно; все в равной мере живут, потворствуя своим чувственным желаниям»*.

Всё это, конечно, преувеличение. Зальцбуржцы – люди добродушные и веселые, любящие музыку, игры и танцы. Они не так чувственны, как невежественны и провинциальны. При том что они имели собственный королевский двор, но, при всем его великолепии, сам двор был мал и не выдерживал сравнения с другими дворами в глазах искушенной публики. Зная толк в развлечениях, критикуя вульгарность, Вольфганг стал проявлять склонность к парадоксальности. У него был тонкий вкус ко всем видам искусства, однако в его шутках отчетливо слышался грубоватый юмор. Он мог отпустить остроту и побалагурить с остроумнейшими из соседей, и все же иногда был на грани того, чтобы испытывать к ним отвращение. Любил и есть, и пить, играть с ними в игры и все-таки мог внезапно развернуться и уйти, порицая за грубость. Он воспринимал необычайную красоту окружавшей природы как должное, и потому, казалось, был к ней равнодушен, однако любовь к природе проявлялась в его непомерной любви к птицам и к окрестностям города. Он всегда предпочитал работать в садах, по возможности, и безмятежная ясность его музыки была, несомненно, связана с этим ранним влиянием Зальцбурга.

Любимым спортом Моцартов было метание колец – этим они занимались по воскресеньям в гостях у некоторых друзей. Иногда играли в карты или исполняли дома камерную музыку. За исключением Великого поста, танцевали постоянно, и Вольфганга всегда просили что-нибудь сочинить. При ратуше имелся карнавальный зал, и там часто проводились маскарады, в которых Вольфганг открыто присутствовал. Примерно в это время был построен театр, куда из ближайшей столицы – Мюнхена – прибыла отличная труппа, чтобы выступать со спектаклями. То было самое яркое событие в общественной жизни города. Вольфганг наслаждался ею, но не от всего сердца: он не мог общаться с соседями, не критикуя их. Тем не менее ему было шестнадцать: веселый, живой и красивее, чем он когда-либо будет в дальнейшем.

У него был яркий румянец, оттененный большими серыми глазами и прекрасными светлыми волосами, которые, конечно же, в официальных случаях скрывались под париком. Вольфганг любил хорошо одеваться, и одежда у него была добротной, как часть необходимой повседневной формы. Он был грациозен, и его раннее (хоть и поверхностное) знакомство с широким миром наделило его самообладанием и достойным уважением умением себя вести. Пришла пора взросления, и Вольфганг начинал прислушиваться к шороху платьев.

Вольфганга слишком часто сравнивали с Керубино¹⁶ – пылким, влюбчивым юношей, выражающем нежную страсть в форме изысканной жалобной мелодии. В каком-то смысле так и было, ибо, что бы там ни говорилось о юной любви, всё это должно случиться в жизни юноши. Однако представить себе Вольфганга в праздном амурном поиске, пытаться увидеть его постоянно убегающим в маске на randevu в залитые лунным светом сады – это признать его типичной марионеткой XVIII века, а не юношей из плоти и крови. Он ловил и целовал девушек и что там еще, и всё это примет свои очертания в воображении каждого, кто хорошо его знал. Но невозможно думать о нем, как о похотливом юнце в поисках приключения, ведь неустанным ментором его был Леопольд.

При всей своей напыщенности, высокопарности и меркантильности, в глубине души Леопольд был заботливым и любящим отцом. Ему удалось, несмотря на все его ложные амбиции, с молодых ногтей привить Вольфгангу уважение к добродетели и воздержанию (просто удивительно, учитывая, в каком веке он жил), и изысканную утонченность. Безусловно, расчетливый меркантилизм и холодное резонерство отца заходили еще дальше в приучении молодого Моцарта. С самого раннего возраста Вольфганг понимал, что распущенность почти неизбежно приводит к болезни. Он видел, как это происходит вокруг, и, не будь у него своего персонального стандарта непорочности, – а он был у него перед глазами, – собственный здравый смысл всё равно помог бы ему остаться таким же целомудренным, как в юности.

Впоследствии случались иногда проказы, что правда, то правда. Но тут совсем неожиданным образом проявила себя мудрость Леопольда, который в период ранней зрелости Вольфганга писал:

«Я не буду распространяться насчет женщин, в коих сама природа – наш враг, а тот, кто решительно не воспротивится сразу же, будет тщетно пытаться выбраться из лабиринта, и не найдет окончательного выхода, за исключением смерти. Как часто человек слепо поддается шуткам, лести и т. д., до тех пор пока возвращающееся здравомыслие не пробудит в человеке стыд, который ты, возможно, уже испытывал. Я не хочу тебя ни в чем упрекнуть. Я знаю, что ты любишь меня не только как своего отца, но и как своего ближайшего и самого верного друга».

Но у молодого парня всегда на уме любовное увлечение – не одно, так другое. Объятия украдкой, мимолетные прикосновения рук, игры с поцелуями, в которых он нередко бывал заводилой, непристойные намеки, а порой и столь же непристойные действия, нередко даже в открытую. Какая-то девушка обычно занимала его мысли, «милая», к кому он был страстно привязан несколько недель подряд, после чего кто-то из них двоих неизбежно находит себе новую любовь. Он сделал Наннерль своим доверенным лицом в этих столь мелких, но ужасно захватывающих делах. Когда он уезжал вместе с отцом, то писал большинство своих писем домашним на имя Наннерли, а не матери, заполняя послания шифрованными аллюзиями к своим временным возлюбленным. *«Скажи мадемуазель фон Мельк, что я ожидаю от нее той же награды, что и за последние квартеты. Она знает, что это было».* Половина всей этой чепухи была плодом фантазий. *«Прошу, передай мои комплименты Рокселане – её при-*

¹⁶ Керубино – герой оперы Моцарта «Свадьбы Фигаро». Паж графа Альмавивы, очень молод и ангельски красив, влюблен в графиню Розину, но, кроме того, он также влюблен во всех хороших женщинах мира. «Маленький распутник», как прозвал его граф, всегда готов к любовным приключениям. – *Примеч. ред.*

глашают сегодня вечером пить чай с Султаном. Передай мой сердечный привет, пожалуйста, мисс Мицерль и скажи ей, что она не должна сомневаться в моей любви и что она всегда у меня перед глазами в ее очаровательном negligé; я видывал многих хорошеньких девушек, но не столь красивых, как она».

Он писал не только о всяких глупостях. «Моя опера “Царь-пастух”, благодарение Господу, была вчера поставлена» – 13 января 1775 г. – и всё прошло так хорошо, что я никак не могу описать маме весь этот гвалт. Прежде всего, весь театр был настолько переполнен, что многих людей силой заставили уйти. После каждой арии стоял ужасный гвалт, с аплодисментами и криками “Viva Maestro!”... Интервал между окончанием оперы и началом балета был заполнен рукоплесканиями и криками, которые не успевали затихнуть, как начинали бушевать снова и снова... Мы с папой по окончании пошли и поцеловали руки курфюрсту и курфюрстине, а также другим знатным особам, которые были все очень любезны... Мои комплименты всем добрым друзьям обоего пола. ...Адъё! Тысяча поцелуев Бимперлю». Предыдущее письмо он закончил так: «Прощай, мое сердечко, я целую тебя, моя маленькая печенка, а сам я, как обычно, – желудочек, твой недостойный».

Фратер

Братец Вольфганг

Умоляю, моя дорогая сестренка! Что-то меня кусает – почеси меня!»

Эти поездки в Милан и Мюнхен предпринимались не только ради новых опер и заработка, но и ввиду растущей уверенности, что для Вольфганга в Зальцбурге будущего нет. Было жизненно необходимо, чтобы его талант стал известен за пределами города, там, где были более именитые покровители. Прежний наниматель Леопольда, престарелый архиепископ Сигизмунд фон Шраттенбах, умер в 1772 году, когда Вольфгангу исполнилось 16 лет; преемником архиепископа стал известный Иероним, граф Коллоредо. С Сигизмундом возникали неприятности из-за его деспотизма и понятного нежелания, чтобы Леопольд получал жалование и проводил большую часть времени, разъезжая по Европе. Однако неприятность с Иеронимом оказалась еще более тягостной. Новый архиепископ был ненавидим зальцбуржцами по целому ряду причин, и он сам отвечал им злобным отношением, в особенности к таким людям, как Моцарты. Он роздал все желанные должности при своем дворе иностранцам, причем большинство хороших музыкальных мест достались итальянцам. Тем не менее Коллоредо был умным человеком. Зальцбург при Сигизмунде был задавлен церковью, уныл и полон лицемерия, зато при новом архиепископе город стал свободен, весел и радостен. Иероним не был глуп, он не слишком высоко ценил музыку, но прекрасно сознавал, чего стоит Вольфганг, опровергая тем самым привычное мнение горожан о своем невежестве. Однако он думал, что сможет удержать Вольфганга при дворе даром и так, чтобы юноша создавал всё, что ему предложат, но без достойного вознаграждения и признания. Основанием для этого у Иеронима было обычное презрение к Зальцбургу и его горожанам, а не особая нелюбовь именно к Вольфгангу.

Князь-архиепископ зальцбургский граф Иероним фон Коллоредо.
Художник И. Грайтер. Около 1780 г.

Разумеется, Леопольд смертельно, до отвращения ненавидел своего патрона, поскольку архиепископ не назначил его главным капельмейстером, когда эта должность была вакантной.

Год следовал за годом, и все это время Вольфганг мог бы иметь какую-то почетную должность. Вместо этого занимал позорное положение придворного концертмейстера за 150 гульденов в год. За это весьма скромное жалование он написал громадное количество великолепных произведений: мессы, литании, каноны, сюиты и всевозможного рода дивертисменты, множество концертов и симфоний. Его творчество заметно совершенствовалось.

Когда появлялось что-то, стоящее творческих усилий, это означало поездку. Таким образом, он написал «Луция Суллу» (К. 135) в Милане, в следующем году – замечательно яркий мотет «Exsultate, jubilate» («Радуйтесь, ликуйте») (К. 165) для великого кастрата Рауццини, в Мюнхене – «Мнимую садовницу» (К. 196) и «Царя-пастуха». Ничто так не выделяется из написанного в этот период, как ария «Аллилуйя» из мотета, по существу и по качеству являющаяся бессмертной, почти непостижимой как произведение 17-летнего юноши. Но при Иерониме всё это не принесло Вольфгангу ничего. Когда ему исполнился 21 год, он, чудесным образом одаренный и замечательно образованный композитор и великий пианист-виртуоз, оставался почти неизвестным, без достойного места и без перспектив.

Проблема оказалась сложнее, чтобы Леопольд или Вольфганг могли с ней справиться. Леопольд пытался с помощью писем или людской молвы ухватить какую-нибудь должность для Вольфганга. Он трепетал от ужаса, зная, что Иероним выгонит обоих, как только узнает об этих его попытках. Но Леопольд мог бы избавить себя от волнений, ибо никто не откликнулся на его предложения. Эта невозможная ситуация не могла длиться вечно, и в доме часто велись долгие беседы в гостиной, Вольфганг и Леопольд пристально глядели друг на друга через стол, а мама и Наннерль сидели рядом с шитьем и качали головами. Вольфганг думал, что они с отцом должны взять отставку, оставив службу при дворе, и уже вчетвером всей семьей упаковать вещи и отправиться в большой тур по Европе. Он думал, что это будет триумфальное путешествие вроде тех, что были в его детские годы. Леопольд был достаточно умен, чтобы понимать: повториться ничто не может. Гораздо проще было сделать сенсацию с чудо-ребенком, нежели собрать платежеспособную публику ради двух одаренных, но никому не известных молодых пианистов.

Стало очевидно, что назначение на постоянное место капельмейстера при каком-нибудь важном дворе – единственный выход для Вольфганга. Сам он очень обрадовался бы такой должности, если бы она совмещалась с возможностью писать оперы. Начиная со своих ранних, слабеньких попыток и до последнего времени Вольфганг обожал оперу. Он никогда еще не был так близок к отчаянию, думая о своей карьере, как в нынешние времена, когда ему хотелось писать оперы, а он был вынужден добывать себе средства для жизни. Но вот теперь, напомнил ему Леопольд, стало, как никогда, важно получить известность, а опера никуда не денется. Вольфганг не должен был забывать, что он пианист, а не только композитор. Вольфганг и не забывал. В предшествовавшем году он потратил много времени, совершенствуя свою фортепианную технику и записывая фортепианные пьесы в маленькую чистенькую тетрадку, которую брал с собой в поездки. К тому же он написал очень быстро одну за другой шесть сонат для фортепиано (К. 279–284). Все это теперь стало частью любой нототеки для пианистов, обрело известность во всем мире.

Леопольд, в конце концов, пришел к выводу, что они с Вольфгангом должны будут предпринять еще одно путешествие. На этот раз все возможные усилия должны быть направлены на то, чтобы Вольфганг смог устроиться при каком-либо дворе, чтобы там и остаться. И отец обратился к Иерониму с просьбой об отпуске для себя и Вольфганга. Недоброжелательный епископ категорически, с недовольным видом отказал. Леопольда это повергло в изумление. Он не ждал, что за ним останется его жалование, пока он путешествует. Но отказать в отпуске! Вольфганг тем временем впервые в жизни постоял за себя. К крайнему изумлению Леопольда и прежде чем кто-либо попробовал его остановить, он подал прошение об отставке, чем захватил Иеронима врасплох. Тот рассчитывал, что сможет запугать Моцартов, и для него стало шоком,

что Вольфганг, с виду беспечный и легкомысленный юнец, способен бросить ему вызов. Он принял прошение об отставке с презрением. Леопольд пережил несколько невыносимых часов в ожидании, как решится его судьба, – он думал, что тоже будет уволен. Но Иероним самым оскорбительным тоном сообщил, что Леопольд остается. Бедняга оказался в западне. Как все люди с большим самомнением, он был большим говоруном и потому настоящей гордостью не отличался, но тут ему волей-неволей пришлось бы остаться, обладай он даже надменностью жителя Кастилии. Ведь семья должна как-то жить. А вот как, если никто в ней не имеет постоянного источника дохода?

Вольфганг думал, что проблема полностью решена. Он попросту поедет один, направившись сперва в Париж, с остановками при каждом подходящем монаршем дворе. Но тут Леопольд воспрянул духом и проявил свою отцовскую власть. Вольфганг не совершит ничего подобного – это невыносимо!

Уехать в одиночку и самостоятельно искать свою дорогу в жизни он мог не в большей степени, нежели когда был младенцем. По словам отца, Вольфганг теряет здесь свои возможности, портит успешно начатое, не умеет выразить почтение, тратит впустую слишком много сил! Личные же черты характера Вольфганга еще больше испортили бы дело. Он станет проводить время, занимаясь чепухой в компании молодых дурней, которых повстречает в пути. Он будет общаться не с теми людьми. Он начнет танцевать, пить, не спать допоздна, волочиться за девицами... И не только за девицами, но и зрелыми дамами... Он может дать какой-нибудь из них себя одурочить. Он даже может – о Господи! – запутаться и жениться. Даже хуже (какой скандал!) – подхватить дурную болезнь.

Леопольд в ожесточении топал ногами, сжимая ладонями голову. Вольфганг удалился в свою комнату в самом мрачном расположении духа, какого за собой не знал. Он возражал, упрасивал, клялся, но всё было бесполезно. По мнению отца, он достаточно уже натворил этой своей выходкой с Иеронимом. И вот теперь отец требовал, чтобы сын замолчал. Вольфганг счел, что самое лучшее будет подчиниться. И так ничего хорошего – видеть отца в подобном состоянии. И всё-таки будет еще хуже, если задуманное путешествие сорвется полностью. Ничего не было сейчас важнее, чем шанс уехать из Зальцбурга. Пусть отец предпринимает всё, что угодно, не важно что, лишь бы только выбраться отсюда!

В конце концов, подходящий план был выработан. Вольфганг не мог поехать один, об этом не могло быть и речи. Юноша ни разу в жизни не провел и суток вне общества своего отца. Его нельзя выбросить в этот мир, как какого-нибудь бродягу. Решение было принято, наконец, оно напрашивалось само собой: ехать должна мать. От нее не будет никакой пользы в тонких делах дипломатии, относящихся к получению постоянной должности. Но отец мог бы руководить при помощи писем. Он будет писать ежедневно, а Вольфганг обязан посылать ему каждое утро ежедневные отчеты. «И мать – она составит тебе компанию, Вольфганг, она устроит, чтобы тебе было удобно, и ты был всем доволен, так что ты будешь чувствовать себя совсем как дома! (О Боже, помоги ей уберечь его от невзгод! Пусть следит за ним каждое мгновение. Пусть никогда не выпускает из виду!)»

Вольфганг не возражал. У него еще не было необузданной тяги к одиночеству и независимости. Гораздо больше он рвался покинуть Зальцбург – и лучше вместе с матерью, чем вовсе отказаться от этой мечты. К тому же он обожал свою матушку, и в то время как приступы внезапного страха время от времени охватывали его, он еще не мог понимать всей силы необоримого стремления человека к свободе. Он даже не вдыхал аромата независимости, не испил и капли волнующего вина из этой чаши. Но он уже был ближе к ней, чем когда-либо раньше. Да и мама оставалась бы при нем не долее, чем он нашел бы себе место и обосновался там. Тогда она вернется домой, а он приступит к работе – как светский человек и как художник.

Мать так горевала из-за необходимости покинуть дом, что едва могла собраться и упаковать вещи. Она не выносила долгие, скучные поездки, когда дети были малы, ненавидела

все эти огорчения, перемены и неудобства. Она не выносила протестантскую Германию, через которую им предстояло проехать, с ее языческим народом и мясными блюдами, которые ей подсовывали по пятницам. Но она была хорошей женой и матерью прежде всего остального, и она исполняла свой долг, даже когда слезы застилали ей глаза. Вместе с Наннерлью она посетила мессу и горячо помолилась за всех своих, за успехи Вольфганга, за утешение мужа и дочери. Тем временем Леопольд бегал по округе, собирая деньги и готовя наряд, достойный молодого художника, вступающего на новое поприще, что со временем должно привести к триумфу. Нужны отличная, хорошо устроенная дорожная карета и аккуратный багаж, красивая одежда, самый лучший клавир. Леопольд пошел на тяжелые финансовые жертвы, и, хотя Вольфганг постоянно остро осознавал их, у него никогда не было повода сомневаться в привязанности отца.

Они отправились в путь 23 сентября 1777 года, и мать тонула в слезах и жалась на подушках в углу раскачивавшейся кареты. Но Вольфганг, пережив боль расставания, тут же выпрямился и стал смотреть в окно на удаляющиеся вершины и шпили Зальцбурга. Ему было жаль оставлять отца, *«крайне ослабевшего и подавленного»*, и Наннерль, рыдающую так горько, что он чувствовал себя обязанным сделать все, что в его силах, чтобы утешить ее.

Но он был счастлив и рад, что уже в пути.

VI

1777–1778

После краткой остановки в Мюнхене, где Вольфганг сделал неудачную попытку «*сложить самого себя и свои услуги к ногам курфюрста*», они с матерью направились в Аугсбург. Несмотря на то что Вольфганг сочинил для Мюнхена несколько опер и что он появлялся там множество раз, а Максимилиан¹⁷ знал его в течение 15 лет, им было отказано, потому что курфюрст считал, что вначале следует «поехать в Италию и там сделать себе имя». Тогда они поехали в Аугсбург, родной для их семьи город, не подготовленные к встрече, но счастливые. Отец наказывал им остановиться у «Агнца» на улице Святого Креста, но они предпочли погостить у дяди Йозефа Игнаца, брата Леопольда. Вольфганг совершил по городу несколько экскурсий без *Басле*, простенькой дочери дяди Игнаца. У неё широкий плебейский нос, довольно глупое квадратное лицо, большие мутные глаза, слишком широко расставленные и коренастое тело. Не красавица, однако себе на уме.

Семнадцатого октября их пригласили на обед к богатому молодому вдовцу по фамилии Гасснер. «*Нас угощали на славу*», а это значит, что еда была хорошая, вино превосходное да и общество отвечало вкусам Вольфганга. Присутствовали двое церковных музыкантов, отличавшихся широкими взглядами, хорошенькая свояченица Гасснера и, конечно, неотражимая *Басле*. За столом, сидя с ней рядом, Вольфганг решился провести рукой по ее предплечью, коснуться кончиками пальцев пухлого бедра и тут же, с серьезным видом обсуждая с отцом Герблом сравнительные достоинства фортепиано и органа, втихомолку доводит до *Басле* отдельные детали мелкой техники правой руки. Ей это нравилось, но она была умнее, чем ее физиономия, и не подала виду. С полным спокойствием она сдерживалась до конца дня, пока вопросы музыки не были исчерпаны, после чего удалилась с Вольфгангом в свою комнату под крышей отцовского дома. Дядюшка Игнац не был таким бдительным отцом, как его брат Леопольд, и подобное положение дел в значительной степени способствовало продвижению Вольфганга в искусстве некой «другой» игры.

После обеда все пошли повидать г-на Андреаса Штайна, внешне неказистого, но интересного человека, который проводил важные эксперименты по совершенствованию фортепиано (или *pianoforte*). Полный благодушия и под воздействием хорошего обеда – для него весьма немаловажный факт – Вольфганг уселся за новейшее создание Штайна и сыграл сонату Беке (von Веескé, местной знаменитости) с листа, «*довольно сложную, miserabile al solito. Удивление капельмейстера и органиста не описать словами! И здесь, и в Мюнхене я часто играл все мои сонаты наизусть. Я сыграл № 5, соль мажор (К. 283), на праздничном концерте для избранных крестьян. Последняя, ре мажор (К. 284), прекрасно звучит на фортепиано Штайна*». Что ж, всё возможно, ибо двенадцать чудесных вариаций с дополнительными оттенками благодаря умелому использованию Вольфгангом коленного рычага (педали) были прелестны. «*Я могу привести его в действие легчайшим прикосновением, а когда немного ослабляешь нажатие коленом, не возникает ни малейшего признака эха*».

Штайн сделал себе имя на создании органов, но свое фортепиано (*pianoforte*) он считал движителем истинной музыки. Органы же он относил к необходимому оборудованию церквей. Вольфганг закончил исполнение сонаты и, прежде чем утих гул одобрения, повернулся к мастеру и сказал: «Господин Штайн, мне бы очень хотелось поиграть на одном из ваших органов». Штайн был поражен:

---

¹⁷ Максимилиан III Иосиф, (1727–1777), был курфюрстом Священной Римской империи и герцогом Баварии с 1745 по 1777 год. – *Примеч. ред.*

– Как! На органе? Может ли такой человек, как вы, великий пианист, желать сыграть на инструменте, лишенном *douceur* (мягкости. – *фр.*), выразительности, *piano* и *forte*, звук которого всегда одинаков? Невероятно!

– Ох, – отвечал Вольфганг, – тут нет ничего особенного. Орган, для моих глаз и ушей, всё ещё остается королем музыкальных инструментов.

Штайн покачал головой.

– Всё, как ты скажешь, мой мальчик.

«И тогда мы уселись вдвоем. Из его слов я сразу понял, что он думал: я мало что сыграю на органе... Мы дошли до хора. Я начал прелюдию – он улыбнулся. Потом перешли к фуге. Старик сказал:

– Вот теперь я охотно верю, что ты любишь играть на органе. Когда играют так, как ты!»

Перед тем как они вышли из церкви, состоялся краткий симпозиум в приемной, где «некий отец Эмилиан, напыщенный осёл, слабоумный тип с претензиями в своей профессии, повел себя очень фамильярно. Он постоянно пытался подицутить над моей кухней, но она подицучивала над ним. В конце концов, когда он немного выпил (что случилось довольно скоро), он принялся говорить о музыке... Я сказал: “Сожалею, но я не могу петь с вами, поскольку совершенно неспособен говорить нараспев”.

– Это неважно, – ответил он и запел.

Я пел в терцию. Но я вставил совсем другие слова и пел: “Отец Эмилиан, о дуралей! Leck Du mich im Arsch”, вполголоса своей кухне. Следующие полчаса мы дружно смеялись, и он заметил:

– Если бы мы провели с вами больше времени вместе, я бы с удовольствием обсудил с вами искусство композиции.

– Мы вскоре должны подойти к концу дискуссии, – возразил я. – Schmecks Kropfeter. Продолжим в следующий раз».

Отец и Наннерль от души посмеялись, читая десятки подобных писем, но Леопольд втайне чувствовал недоброе. Как молодой человек устроит свою судьбу, если, вместо того чтобы протискиваться во дворцы вельмож, он проводил время, распевая «Поцелуй меня в ж... дуралей», выпивая вместе со священниками и занимаясь непозволительными шалостями (до каких пределов, папа понять не мог) с молодой девушкой-кузиной? Маму послали, чтобы следить за ним, однако Леопольд прекрасно видел границы ее возможностей (она, к примеру, не могла стеречь его целомудрие). Словом, Леопольд не находил себе места. Он писал пространственные отчеты о том, как он сам вел себя когда-то в своих первых поездках, – Вольфгангу надлежало теперь следовать его примеру. *«Я избегал всяческих знакомств, но искал дружбы только с людьми состоятельными, а среди таковых – главным образом с людьми определенного возраста, а не с юнцами, невзирая на какой угодно высокий ранг».* К сожалению, он был прав. Каждый его совет, всё, что он требовал от Вольфганга к исполнению, было в точности тем поведением, каким оно должно быть у благоразумного молодого человека. Леопольд был совсем как Полоний: «Великие дела (серьезные оперы) должны совершаться в великом и возвышенном состоянии духа».

И вот наступает пора в жизни каждого молодого человека, когда груз отцовской мудрости попросту невыносим. Вольфганг как раз входил в эту пору, только в его случае нормальные реакции усложнялись его лояльным и мягким нравом. Знакомые проявления темперамента – вырванные волосы, горящие глаза, стенания, выбрасывание рукописей в огонь – для него полностью неприемлемы. Пресловутая кротость его характера заставила некоторых критиков интерпретировать его мягкость как слабость, вследствие чего и его музыку начинали интерпретировать как поверхностную. Во всем мире музыкальное образование в основном брало свое начало от романтиков, в чьих глазах бунт был ярким деянием, а сами они превращали

свою бурную личную жизнь в партитуры. Моцарт жил раньше романтиков, в эпоху гораздо более объективную. Ни в его жизни, ни в его музыке нет намерения что-либо доказывать. На первом месте – удовольствие, самая очевидная реакция на творчество. Это ему было свойственно: он верил, что музыка должна радовать. И потому, хотя он и был подавлен трепетным присутствием матери и раздражен мудрыми сентенциями отца, он не взбунтовался против них; он не видел причин для бунта. Его реакцией было замешательство с некоторой укоризной. То, что подготовленный слух различает в ученической музыке Моцарта нечто большее, нежели «удовольствие», отчасти, возможно, и есть результат его внутренней терпеливой борьбы.

Тем не менее эта борьба сулила стать более острой в течение следующего года, и первые признаки подобного обострения обнаружили в Мангейме, куда они переехали из Аугсбурга по настоятельному требованию отца в письмах. В Мангейм они прибыли 1 ноября. Листья уже опали, небо было серым, в воздухе летали снежинки, тем не менее Вольфганг ждал этого визита с удовольствием. Резиденция пфальцских курфюрстов была самым блистательным аристократическим двором в Германии, а герцог Карл Теодор пользовался славой доброго малого – повесы, своеобразного остроумца, образованного покровителя музыкантов. Все эти качества требовались от человека, желавшего получить должность при его дворе, если только удастся ее получить. По этому поводу отец изошел советами, доходя до невыносимых мелочей: как Моцартам следует паковать ящики с вещами, что есть на завтрак, что сказать тому-то или тому-то, чтобы зацепиться при дворе.

В Мангейме одной из главных достопримечательностей был придворный оркестр, тот самый необыкновенно прекрасный, который Вольфганг слышал 13 лет тому назад во время поездки всей семьей в Париж. Вендлинг всё ещё был первым флейтистом. Теперь он был интереснее Вольфгангу не только в музыкальном смысле, но и своим открытым и весьма свободным домом. Его дочь была в прошлом любовницей курфюрста. Из Вендлингов никто не посещал церковь, зато все они любили развлечения. Благодаря дружбе с Вендлингом Вольфганг преодолел природную неприязнь к флейте и написал два концерта для этого инструмента, соль мажор и ре мажор (К. 313 и 314). Второй в особенности может служить славным образцом виртуозного стиля Моцарта, блестящего, подвижного и живого, при этом мелодичного.

Кристиан Каннабих.
Гравюра Эгида Верхельста. 1779 г.

Через 2–3 дня после прибытия в Мангейм Вольфганг был с энтузиазмом принят в круг музыкантов – Рамма, Ланга, Шацмайстера, Раафа – старого знаменитого тенора, и Кристиана Каннабиха – дирижера. Каннабих проникся к Вольфгангу огромной симпатией и почти ежедневно приглашал к себе на обед. Существовало множество приятных причин, чтобы пойти, причем не последней была Роза Каннабих, прелестная дочка дирижера, для которой Вольфганг написал несколько сонат. В то время их занимала музыка, но однажды Леопольд прочел вот это письмо:

«Я, Амадей Вольфганг Моцарт, признаю свое прегрешение, состоящее в том, что третьего дня (и много раз в прежние дни) я возвращался домой не ранее 12 часов ночи, и что с 10 часов вечера вплоть до указанного выше времени в доме Каннабиха, в присутствии оного и в компании Каннабиха, его жены и дочери, г-на Шацмайстера, Рамма и Ланга, я часто – не всерьез, но довольно фривольно – сочинял стишки, в том числе неприличные, про навоз, экскременты и “поцелуй меня в задницу” в мыслях и на словах – но не в действиях. Но я не вел бы себя столь непристойно, если бы зачинщица, означенная Лизель (Елизавета Каннабих), не подстрекала меня и с готовностью не подталкивала меня к этому; а я должен признать, что получал от этого огромное удовольствие. Я признаюсь в этих своих грехах и проступках от всего своего сердца и, в надежде чаще исповедоваться в них, я твердо намерен заняться постоянным исправлением моего порочного образа жизни, который я начал. Поэтому я прошу о священном дозволении, если это возможно, а если нет, тогда пусть всё это останется на моей совести, и игра всё равно будет продолжаться».

Нужно отдать отцу должное: отец сумел снискать доверие подобного бездельника! Он принял это спонтанное признание так же легко, как и предполагалось. Но в иных случаях он терял своё чувство юмора и донимал Вольфганга придирками, до тех пор пока бедный мальчик не написал однажды в отчаянии: *«Ты упрекаешь нас незаслуженно во многих вещах. Мы не делаем ненужных расходов; а что является необходимым, когда путешествуешь, ты знаешь не хуже нас, или даже лучше, чем мы... Что касается нашего двухнедельного пребывания в Аугсбурге (где не было подходящего двора, чтобы Вольфганг мог ходатайствовать о должности), на самом деле, я почти готов заключить, что ты не получил моего письма из Аугсбурга. Я не беспечен, я просто готов к чему угодно – я могу перетерпеть всё, что угодно, и сколь угодно долго, пока моя честь и само имя Моцарта не пострадают».* В промежутках между написанием этих увещеваний своему отцу и попытками успокоить мать, которая беспокоилась по любому поводу, Вольфганг продолжал делать главное дело – он взрослел.

Однажды, собираясь отдать на переписку копии каких-то нот, подготовленных для выступления, Каннабих пригласил Вольфганга на встречу с человеком по имени Фридолин Вебер, бедняком, который совмещал необычные должности копииста, суфлера и певца в придворной опере. Он получал жалкие гроши, на которые его большая, сварливая жена и дети жили впроголодь. Его вторая дочь Алоизия уже пела в опере. Её голос, исключительно чистый и сильный, был почти совсем не развит, но врожденная музыкальность была такова, что она уже привлекла к себе внимание ценителей. Вольфганг, обычно настроенный до крайности критически к вокалистам, на этот раз даже не попытался анализировать пение девушки с позиции обычных профессиональных требований. Он был попросту заворожен каждой исполненной ею нотой, следил за каждым её движением, очарованный игривой юной грацией. Теперь им предстояло встретиться. Каннабих посмеивался над его горячностью, но, когда он поддел Вольфганга каким-то неуместным замечанием на лестнице, ведущей вверх, его удивило, что юноша ответил ему укоризненным взглядом. Что это означало? И это был Вольфганг, обычно первый начинавший Drecksigkeit (похабные разговоры, непристойности)!

Они застали Вебера дома с его супругой Цецилией и четырьмя черноглазыми дочерьми. Йозефа хорошо готовила, ее голос пока не сулил ничего особенного, но 14 лет спустя именно

она споет Царицу ночи¹⁸; Алоизия выглядела старше своих 15 лет; за ней по порядку шла смешливая Констанция, а малышке Софии (Зофи) с круглыми глазенками было всего десять. Поскольку их отец был Musiker (музыкант), они часто сидели голодными, случалось, и башмаки были дырявыми, но именно благодаря своему столь счастливому происхождению они все умели играть и петь.

Последовала непродолжительная и неловкая процедура знакомства, стулья сдвинули, Цецилия дала знак Йозефе, чтобы та приготовила кофе, Вольфганг, заикаясь, делал неловкие замечания Фридолину, украдкой бросая быстрые взгляды на Алоизию, которая гремела чашками и блюдцами и выглядела предельно занятой. Старалась казаться хладнокровной и сдержанной, хотя примадонной еще не была. Возможно, догадывалась, что г-н Моцарт знает об этом, и потому почувствовала себя неуверенной девочкой, когда он, наконец, прервал разговор с Фридолином и направился прямо к ней. Не было никаких причин, чтобы так смущаться! Он был не намного старше, правда... у него была репутация, за место для него при дворе хлопотали, и она слышала от отца, что этот господин – прекрасный композитор. Она подняла глаза и увидела, что Вольфганг улыбается ей.

– С каким удовольствием, мадемуазель, – произнес он, – я слушал в опере ваше пение.

– У меня совсем небольшая роль, – пробормотала она.

– Согласен, – подтвердил он. – Но дело не в исполненной партии, а в том, как она была исполнена.

Алоизия ничего не сказала, только улыбнулась.

Вольфганг ухватился за подвернувшуюся возможность обеими руками:

– Вы бы не смогли... спеть для меня?

– Здесь? Сегодня?

– Почему бы и нет? Я здесь. Клавир тоже здесь. И вы... тоже здесь... Не так ли?

Она снова улыбнулась.

– С какой стати мне петь? – Тень от ресниц упала ей на щеки, изгиб стройной шеи был очарователен, когда она отвернулась к буфету. Теперь настал черед Вольфганга чувствовать себя неуверенным.

– Я... не подумал... – пробормотал он.

– Не подумали? Пойдемте! – она почувствовала себя увереннее, даже чуть-чуть дерзкой. – Разве вы не сочиняли песен, господин Моцарт? Или арий?

Она разбила лед. Оба расслабились. Вольфганг засмеялся и схватил ее за руку, вновь чувствуя себя спокойным и странно счастливым.

– Пойдем! – сказал он, ведя ее к клавиру. – Что вы споете?

Она с минуту колебалась. Потом медленно проговорила:

– Я знаю ваши арии De Amicis (из «Луция Суллы»)

Вольфганг не смог скрыть своего удивления.

– Знаете?

Она кивнула, горделиво улыбаясь.

– Вот, – сказала она, указывая на стул, – это ваше место, милостивый господин!

Он взял аккорды вступления, и гул в переполненной гостиной стих. Младшие девочки смотрели на сестру с благоговением. Сейчас она будет исполнять самую трудную арию из всех, какие она знает. За инструментом сам композитор, а ей всё нипочем! Замечательно! Она спела первые «те самые ужасно трудные пассажи», и у нее получилось «просто отлично!» Голос её был высок, чист и гибок. И, помимо всего прочего, молод. Legato было исключительно хорошее. Никто не ожидал ничего подобного от этой неопытной девушки. Алоизия выводила округлые, гладкие фразы молочной чистоты, делая то, что умели очень хорошие, прирожденные

¹⁸ Царица ночи – одна из главных действующих персонажей оперы Моцарта «Волшебная флейта». – *Примеч. ред.*

певцы. Вольфганг никогда раньше не слышал подобной свежести. Он слушал важных сопрано в течение 15 лет – но это было другое. Нечто большее, чем очередной приятный голос. Здесь кто-то пел ему его мелодию так, как он хотел бы ее услышать, потому что он попросил, а ей захотелось петь.

Моцарт и Алоизия Вебер. Художник Карл Рёхлинг

Он по привычке продолжал играть, но ему хотелось обернуться, посмотреть на нее, снова коснуться ее руки. Ему хотелось наблюдать за выражением этого тонкого, подвижного лица, не спускать с нее глаз, когда она выводит каждую фразу так безупречно, как он даже не надеялся услышать. Вот она закончила петь. Он поднялся, взял ее руки в свои и посмотрел в ее веселые черные глаза, думая, что улыбается.

– Ваше пение! – он запинался. – Ваше пение... Ах, мадемузель Вебер! Алоизия!

Глаза его затуманились, губы задрожали.

Вольфганг влюбился.

Ему не свойственно было хранить секреты, да он не хранил свой секрет! Перед тем как уйти, он излил Фридолину свой ликующий бред о том, как поет Алоизия. Худшее пришлось изведать Каннабиху, пока они шли вдвоем по широким заснеженным улицам:

– Не только голос, Кристиан, но чудо! Красота! Какое прелестное юное лицо – эти черные кудри – белая шейка... какие хорошенькие руки и восхитительная фигура... и... как же она поет!

Каннабих соглашался. Девушка мила, и ее непременно ждет прекрасная карьера.

– Но до чего бедна, Вольфганг. Бедняга Фридолин старается для них изо всех сил. Как она попадет куда-либо? Ты знаешь, что бывает с девушками, когда они бедны?

Подумав об этом, Вольфганг содрогнулся.

Он расстался с Каннабихом у дверей его дома и поспешил дальше, сквозь снег, на постоялый двор Пфальцихенхоф (Pfälzichen Hof), где они с матушкой остановились. Он взбежал наверх по лестнице в их маленькую комнатку, еле слышно повторяя: «Алоизия! Алоизия!» Мама была одна, закутанная в шаль, с ногами на печке, в которой теплится огонь. Она писала письмо, но, как раз когда вошел Вольфганг, она положила гусиное перо и терла руки, чтобы их немного согреть, – они посинели от холода.

– О, мама, – воскликнул Вольфганг, целуя её, – любимая мама!

– Что с тобой, Вольферль? – спросила она. – Какие у тебя новости?

Он собрался было рассказать, обрушить на неё свой рассказ о чудесной черноволосой девушке. И вдруг представил: она посмеется над ним. Или рассердится, или начнет упрекать. Она напишет отцу. Будет жаловаться и причитать: «Вольфганг влюбился!» Папа будет вне себя. Напишет очередное ужасное, ругательное письмо. Невозможно! Вольфганг медленно снял с себя тяжелый плащ, а милый образ Алоизии, ее смех и теплый голос растворились в серости сыновнего повиновения.

– Так что с тобой, Вольферль? – мама повторила вопроса. – Почему ты ничего не говоришь?

Он отбросил всякие абстракции и улыбнулся ей с выражением бессмысленной радости.

– Хотят, чтобы я сочинил шесть трио к концерту, – сказал он, успешно изобразив энтузиазм, – и симфонию. А Вендлинг сказал...

Какое дело Вольфгангу, что сказал Вендлинг? Не всё ли равно, сколько концертов было дано? Концерты мгновенно потеряли всю свою важность. Теперь – только опера! Такие голоса, как у Алоизии, должны принадлежать сцене. Для Алоизии он мог написать всё, что угодно. Он будет писать для неё. Он тщательно выполнит свои планы, будет благоразумен и осторожен, он не даст отцу поводов для беспокойства, и всё счастливо завершится. В этом он был уверен. Могло ли быть иначе? Он влюблен!

Вольфганг переоделся, надел свежую рубашку, которую ему выдала мать, новое жабо с воланами и свои лучшие башмаки с пряжками, проверил прическу и решил, что этим вечером можно лишний раз не пудрить волосы, надел сюртук, поцеловал маму и вышел в ночь. Она слышала, как он мурлычет что-то себе под нос. Она слегка улыбнулась. Быть может, у Вольфганга действительно намечалось новое начинание? Он немного повременит и расскажет ей, как

все устроилось. Возможно. Но Вольфганг сейчас спешил по улице к дому Вендлинга. Там он может увидеться с Алоизией!

Мать не решилась подбросить в печку побольше дров и с сожалением ограничилась маленькой щепочкой, чтобы пламя не совсем погасло. Затем она взяла перо с замершими на кончике чернилами и продолжила писать письмо мужу: *«Вольфганг как всегда у Вендлингов. Я сижу одна, как большую часть времени, и здесь ужасный холод, потому что тех дров, которые мы можем себе позволить, явно не хватает, чтобы обогреть эту комнату. ...Целую тебя и Наннерль миллион раз. И поцелуйте Бимперля».*

Добрые друзья Вольфганга, которых привели Каннабих и Вендлинг, пытались получить для него при дворе пост сочинителя камерной музыки. Несколько дней все были захвачены планами. Им нужно было застать курфюрста в нужном настроении, в нужный момент; так они между собой договорились. Они бы позаботились, чтобы герцог услышал все те замечательные слова о Вольфганге, которые ему необходимо было услышать. В качестве посредника выступит дипломат, граф Савиоли, ждать которого они уговорили Вольфганга со всеми возможными любезностями и обхождением. Савиоли был человеком сердечным, беспечным и лицемерным. Сегодня ему помешал говорить с курфюрстом Карлом Теодором праздник, завтра – охота, в следующий раз – рандеву. Вольфганг с матерью вынуждены были платить большие суммы за свою комнату на постоялом дворе, но все их планы держались на возможном решении курфюрста. Ожидания Вольфганга были велики: *«Я, в самом деле, верю, что проведу здесь всю зиму. Принц любит меня, думает обо мне очень хорошо и признает мои способности. Я вновь прошу вас не радоваться, но и не огорчаться раньше времени и не говорить об этом ни с кем, за исключением г-на Буллингера и моей сестры».* Буллингер, все тот же верный друг детства Вольфганга, был посвящен в заботы семейства. Ну, а Наннерль с таким интересом относилась к делам Вольфганга, что малейший намек на дурные новости от него доводил ее до слез, и она уходила в свою комнату плакать.

Но 10 декабря, когда мать была одна, скучала по дому и болела, страдала от холода, когда, казалось бы, не было проку в несбыточных мечтах о далекой Алоизии, когда небеса были серыми, а снег под ногами грязным, Вольфганг сообщил отцу: *«Нет никакой надежды на курфюрста. Позавчера я был во дворце на концерте, надеясь получить ответ. Граф Савиоли определенно избегал меня. Я, тем не менее, подошел к нему. Когда он увидел меня, он передернул плечами».*

– Как? – спросил я. – Всё ещё нет ответа?

– Мне очень жаль, – сказал он. – Но всё тщетно.

Вольфганг встретил крушение своих надежд с поклоном и улыбкой. Хрустальные капли люстр казались странно близкими к его глазам, когда он произнес:

– *Eh bien. Но принц мог бы сообщить мне об этом раньше».*

Последовало недолгое обсуждение.

– *Но что до остального, я чрезвычайно признателен вам, господин граф, за то, что вы так рьяно действовали в моих интересах, и прошу вас поблагодарить электора за его любезное, хотя и несколько запоздалое извещение, а также уверить его, что он, конечно, не пожалел бы, если бы нанял меня».*

– О, – отвечал Савиоли, слегка скривив рот и отвесив свой самый безупречный поклон, – я еще более уверен в этом, чем вы, можете не сомневаться!»

Вольфганг покинул дворец и направился к Вендлингам. Когда он вошел, спокойный, бледный и молчаливый, Вендлинг пристально на него посмотрел. Слегка кивнув, Вольфганг подтвердил «вердикт». Вендлинг поднялся со стула, побагровел и сжал кулаки.

– Свинья, – пробормотал он. И ударил кулаком по столу. – Мы обязаны найти выход. Ты должен еще побыть здесь – по крайней мере, два месяца, а потом мы вместе съездим в Париж. Завтра Каннабих возвращается с охоты, потом мы сможем поговорить об этом еще.

Если эта часть письма Вольфганга огорчила и озадачила Леопольда, то следующая его разгневала. Ибо сутью ее стало то, что надежды на Мангейм разбиты, Вольфганг предлагает не ехать тотчас же в Париж с мамой, а оставаться в Мангейме до 6 марта, проживая у некоего г-на Советника, а обедая у Вендлингов. Недорогую комнату с проживанием и питанием для мамы где-то нашли, пока не начнется зима, и тогда мама сможет вернуться в Зальцбург. А Вольфганг, вместе с Вендлингом и Раммом, поедет в Париж и там станет искать свою судьбу.

Как эти новости повлияли на Леопольда, едва поддается описанию. Он бегал по комнате, сжимал голову руками, падал на колени и молился, беспокойно метался без сна всю ночь. Он видел, как рушатся все его надежды. Он видел свою жену, забытую и опозоренную собственным сыном. Видел Вольфганга, слабого, бесхарактерного, под влиянием встреченных им третьеразрядных музыкантов. И в самом деле, всё, что он видел, было отчасти правдой. Но он не видел отчаявшегося молодого человека 21 года от роду, ищущего вслепую выход из невыносимей ситуации, по воле инстинкта рвущегося самоутвердиться, быть готовым к собственным решениям, действовать свободно без вечного вмешательства с советами и указаниями. Вольфгангу нечего было больше ждать в Мангейме. Зачем оставаться еще два месяца? Крайнее безумие всей этой непоследовательности может объяснить только знание того факта, что сердце Вольфганга принадлежало теперь Мангейму, что у него не было побуждения уехать отсюда и покинуть город. Но как раз этого (к счастью для его кровяного давления) отец пока не мог знать. Он написал длинное, письмо, в очередной раз подтверждающее его отцовскую власть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.